

НАТАЛИЯ ТЕРЕНТЬЕВА

СИБИРСКИЙ
ПАПА

Наталия Михайловна Терентьева

Сибирский папа

Серия «Золотые небеса»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65301831
Сибирский папа: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-136194-5

Аннотация

Что такое любовь – не знает никто. То огромное, горячее, мучительное и прекрасное, что наполняет твою душу, – это что? То, что заставляет лететь друг к другу через континенты, то, что дает силы, то, без чего мир пуст и холоден? Это самая большая тайна нашего мира, и пусть она навсегда останется неразгаданной. Мы будем долго идти до ответа, почти доходить и... останавливаться перед последней дверью. Эта тайна и есть то, ради чего мы живем. А дверь просто нарисована на стене, чтобы самые беспокойные пытались ее открыть.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

115

Наталия Терентьева

Сибирский папа

© Н. Терентьева, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

*Мы не летаем, мы поднимаемся только на те
башины, которые можем построить.
Осип Мандельштам*

– Не понимаю, Маня, зачем ты едешь к этому человеку. – Папа смотрел на меня грустно. Однозначно грустно – без тебя других эмоций.

– Папа! Ну... – Я отвернулась. Зачем он так на меня смотрит! Взрослый человек, а как будто на самом деле не понимает очевидных вещей.

– Маняша... – Папа провел рукой по моим волосам. – Как у тебя с ухажерами? Отстали?

– Ты хочешь всех разогнать?

– А! – Папа махнул рукой. – Даже если бы и хотел, что, отстанут? И Кашей отстанет, и этот, Гена-баритона?

– Папа... – Я засмеялась. – Ну почему «Гена-баритона»?

– Потому что у каждого баритона, особенно не заладившегося с детства, есть такой ген, который они называют «эго

баритона», а заладившиеся, кстати, сидят в консерватории и развивают этот свой особый ген.

– А почему ты его в женском роде зовешь?

– Потому что в мужском роде так не выглядят! И ты меня не отвлекай! Так зачем тебе ехать к этому человеку?

Надо было слышать, как сакраментально папа произнес – «к *этому* человеку»! Какой там «Кашей» и «Гена-баритона» – мои ухажеры, которых папа ненавидит! Я прихожу с учебы и всё рассказываю, потому что это не так уж серьезно и смешно. Но чем больше я смеюсь и рассказываю, тем больше волнуется папа.

– Нет, скажи, почему ты Гену зовешь в женском роде? Он нормальный мальчик, даже не слишком женственный, усы растут, ноги огромные, – постаралась я вернуть папу к обычной его теме.

А тема такая: мне рано с кем-то встречаться, ведь мне еще нет двадцати семи лет. Вот в двадцать семь я буду абсолютно взрослой девушкой, готовой к серьезным отношениям, которая выйдет на улицу, тут же встретит очень хорошего человека и папа сыграет мне свадьбу. Он так и говорит: «Вот тогда я и свадьбу тебе сыграю!»

Папа нахмурился, вместо того чтобы засмеяться, но все-таки стал объяснять. Про Гену он поговорить любит, Гена – постоянный источник его тревог и насмешек, потому что сам Гена постоянно присутствует в моей жизни в виде сообщений, которые он пишет мне с утра до вечера, «занимает вир-

туальное пространство», как выражается, опять же, мой папа, человек грамотный и остроумный.

– А ты считаешь, Маняша, это нормальный мужчина или юноша, у которого раз в неделю случаются припадки и истерики?

– У некоторых женщин за всю жизнь не было ни одной истерики, у твоей жены, например. Поэтому по гендерному признаку истерики не классифицируются. Полно мужчин-истериков.

– Я не знаю, – искренне вздохнул папа, как в принципе он всё делает: совершенно искренне и с добром, – как среагирует твоя мама, когда узнает истинную цель твоей поездки в Сибирь.

– Истинная – международная студенческая конференция экологов.

– Да-да! – хмыкнул папа. – А я тогда – академик Сахаров, и делаю новую модель атомной бомбы, а не кодовый замок для бронированной двери, которая открывается только на определенное слово, произнесенное только определенным голосом.

– Ты так и не сказал маме, что я потом поеду к ...? – Я запнулась и замолчала.

Да, ситуация. Не я ее придумала, я как бы вообще ни в чем не виновата. И что? Я на самом деле могла бы не ехать. Но я поеду. И папу уговорю, и маму уговорю, если придется ей рассказать о моем неожиданном плане. Наверное, я давно

об этом думала, подспудно, не выпуская эту мысль наружу. Она носилась у меня – в виде смутных образов – вот, села я в самолет, полетела далеко-далеко, на другую сторону нашей необъятной Родины, туда, где утро наступает на четыре часа раньше, туда, где живет «этот человек»... В виде снов – да, я уже несколько раз видела во сне, как я подхожу к *нему* и говорю: «Привет! Не узнал?» Это невероятно глупо, глупее некуда, не узнать он меня не может, потому что он видел мои фотографии в сети, мы переписывались несколько раз, но ни разу не встречались. Он пару раз (или больше, я точно не знаю) приезжал в Москву, и мы могли увидеться, но меня оба раза не было. Знать он этого не мог, мы не так часто общаемся, и я не рассказываю ему обо всех своих планах и особенно о родительских. Просто не совпадало, потому что, наверное, не должно было совпасть.

Один раз он приезжал, когда три года назад мы ездили в Архангельск на похороны маминой мамы, моей любимой, самой любимой, самой лучшей бабушки, у которой прошли самые прекрасные летние и зимние каникулы моего детства. Бабушка жила в последние годы в деревне в восьмидесяти километрах от Архангельска, и для меня это место и бабушкин дом всегда будут настоящей Россией, немного не такой, в какой живу я.

Я-то живу в Московском княжестве, царстве-государстве, как хотите, но это другая какая-то Россия, не такая, как в остальной стране. И о том, что он был в Москве, я узнала по

появившейся фотографии в сети. Он почти ничего не ставит на своих страницах, так, может перепостить раз в три месяца новости из какой-нибудь группы. А тут вдруг он сфотографировал какой-то невнятный старинный особняк, это мог быть любой город, но он неожиданно поставил локацию – «Москва». А я – тоже совершенно неожиданно – почувствовала обиду. Приезжал, знал, что я есть, что живу в Москве – он, собственно, всегда знал обо мне, это я о нем ничего не знала – и даже не попытался со мной встретиться. Если бы я была в Москве в это время, я бы просто написала комментарий под фотографией: «Привет!» Может быть, написала бы. И я уверена, что он бы отреагировал.

Второй раз, когда он приезжал, мы уехали на море, внезапно. Это было позапрошлым летом.

Мама боялась лететь, боялась и боялась, третий отпуск подряд, и мы уже решили не ехать ни на какое теплое море, провести время на даче. «Мне только хорошо, Валюша! – искренне сказал папа. – Не кори себя!» И правда, он выполнит всё необходимое по саду и по хозяйству, прибьет всё отвалившееся у наших двух замечательных сараев и дома и засядет в дальнем углу второго этажа с тетрадкой или компьютером.

В тетрадке папа ищет решение очередного уравнения – он любит черкать по клетчатой бумаге простым карандашом, а в компьютере дописывает докторскую – и вовсе не про ядерную бомбу, это лишь его любимая горькая шутка, и не про

двери для бандитов, которые столько наворовали, что теперь не знают, как спрятаться от врагов и завистников за этими дверьми, а про необыкновенные свойства необыкновенного вещества, которое никто никогда не видел, не трогал и почти не фиксировал приборами, кроме моего папы, потому что оно мгновенно разлагается на что-то другое. Но в этот краткий миг, когда вещество существует, оно обладает такими свойствами, что переворачивает наши представления о многом в этом сложном и удивительном мире, в котором мы живем.

Когда у тебя папа – талантливый физик, работающий в Курчатовском институте, а мама – талантливый биолог, работающая там же, и тоже практически закончившая свою докторскую, причем на стыке физики, биологии и каких-то наук, которым даже еще нет названия, но о них по восемнадцать часов подряд могут говорить мои мама с папой, не уставая, не обедая, не кормя меня, кота, собаку, проходя мимо нашей машины, мимо подъезда, проезжая поворот на дачу, поджаривая вместе с мясом кусочек пластиковой лопатки, которой папа размахивал, показывая маме, как именно бозон распадается на четыре лептона (это непонятно пока мне и не будет понятно, наверное, никогда, потому что я поступила на географический факультет, чтобы заниматься вопросами природопользования, и почти совсем не интересуюсь тем, о чем с утра до ночи бредят мои любимые, талантливые, увлеченные своей наукой родители), когда твои ро-

дители на самом деле настоящие ученые, и ты их любишь, уважаешь, смотришь на них как на инопланетян – а таких просто больше нет, как мои мама и папа – то в какой-то момент тебе становится очень одиноко.

Да, я, конечно, не совсем глупа, я окончила школу с медалью. Хотя, конечно, не Ломоносовскую и не Курчатовскую, а самую обычную. Зачем меня отдали в эту школу, никто не знает, никто, даже сами мама с папой, которые меня отвели и записали в соседнюю школу в шесть лет. Я походила две недели в школу, и родители решили, что я слишком мала для учебы. И через год снова повели меня, смеясь, «второй раз в первый класс!» в ту же самую школу. Почему мама с папой не могли меня водить в Курчатовскую, где учатся будущие светила физики и математики, а потом идти к себе на работу – на соседнюю улицу? Не видели во мне ничего особенного?

Спрашивать бесполезно. Такие странные прозаические вопросы не находят никакого отклика в их голове. Иногда мне кажется, что голова у них одна, просто разделенная напополам – на мужчину и женщину.

Они живут рядом, постоянно думают вместе, помогают друг другу, говорят на своем особом языке, иногда вообще выпадая из жизни. Забывают платить за квартиру, и у нас скапливается огромный долг. Забывают на даче платить за электричество, и нам отключают свет. Забывают на даче животных, забывают вместе с ними меня.

Так мы однажды просидели с Антипом (серым полосатым котом) и Рыжиком (огромным бело-черным сенбернаром, без единого рыжего пятнышка), запертые на даче, целый день, без электричества, с разряженным телефоном. Мы не грустили, я была уже очень большая – семиклассница. Я не ходила в школу, были осенние каникулы, еды в шкафу было полно, в баллоне был газ, а около печки лежали дрова. Печку я топить умела. Тем более печь была теплая, и я просто подкладывала дрова. А электричество включить не сумела. Родители отключили рубильник «как положено», в двух местах, второй я не смогла включить, как ни старалась.

Полдня прошли замечательно. Я читала, жарила в печке хлеб, ела конфеты и грецкие орехи. Открыла окно, и пес, и кот сообразили – выпрыгивали через него и заходили обратно.

К вечеру мне стало страшно, дом показался огромным, на улице вдруг резко стало холодно, даже вода замерзла на кухне в умывальнике. Я села на диван в обнимку с котом и собакой, закрылась двумя пледами и стала думать, как дойти до электрички. Рыжик-то, ладно, будет идти за мной, куда угодно. Но что в голове у Антипа? Пройдет ли он шесть километров с нами или свернет куда-нибудь по дороге по своим делам, которые обычно появляются у котов в самый неподходящий момент и о которых они никому не сообщают? Тут как раз мама с папой спохватились, что, кажется, нигде нет ни меня, ни животных. И очертя голову вдвоем помчались

на дачу. При этом они нормальные люди, водят машину, попеременно. Но иногда оставляют ее у магазина и уходят, забывая про нее. И потом ходят по улицам, вспоминая – а где же они купили эту замечательную колбасу и корм для птиц, которых у нас никогда не было? Ведь рядом с тем магазином они припарковали машину – кажется... Еще стоянка была такая удобная и просторная – только для спецтранспорта...

Ту дачную историю мама с папой не любят вспоминать, но когда я однажды их по случаю спросила, были ли они здоровы в тот момент, они объяснили: так они были абсолютно уверены, что в доме никого нет! Что я, большая девочка, зачем-то взяла Антипа и Рыжика и уехала с ними в Москву, одна, я же такая самостоятельная, всё делаю сама, и давно! Почему так решили? А в доме было очень тихо, и ботинок моих внизу у двери не было, и, кажется, я вечером собиралась уезжать... Поэтому они, обсуждая на ходу совершенно невероятную гипотезу, которая заставила папу проснуться в пять утра и разбудить маму, закрыли дом и уехали. А мы с Антипкой и Рыжиком спали в моей комнате на втором этаже. Ботинки же мои Рыжик принес мне, это его любимое развлечение – если он видит где-то мои сандалии, босоножки, ботинки, тапочки, сапоги, то тащит их мне и кладет рядом, счастливо заглядывая в глаза... Бредовая история какая-то. Только это правда, и случилось со мной и с моими родителями.

А тем летом *этот человек* опять приехал в Москву, ни-

чего заранее не написав мне (хотя в июне он поздравил меня с отличным окончанием школы, написав под моей фотографией с золотой медалью: «Поздравляю!») Была середина лета, и я как раз уже поступила в МГУ. Все знали, что я прошла на бюджет, у меня были очень высокие баллы по ЕГЭ, и два специальных экзамена на факультете я тоже сдала прекрасно. Мама в тот день с утра сидела за компьютером, что-то просматривала, хмурилась и вдруг сказала: «Да! Мы едем! Завтра! Вадюша, собирайся, Маня, пристраивай своих товарищей на две недели!» «Мои товарищи» тут же услышали что-то в голосе мамы. Антип подошел ко мне и сел рядом, вопросительно глядя на меня с пола, огромный Рыжик тут же встал обеими лапами на спинку моего стула, пытаясь облизать мне обе щеки и уши одновременно.

– Куда едем, Валюша? – спокойно спросил папа.

– Я нашла изумительное место! – взволнованно ответила мама.

– Где? – отогнав Рыжика, спросила я, отлично зная, какой мама неопытный турист.

Обычно мы собираемся и никуда не едем. В отличие от многих физиков и биологов, вырывающихся из лабораторий в высокие горы, густые леса, бескрайние поля и на далекие моря, мои родители – Валюша и Вадюша – любят сидеть на нашей замечательной даче, ходить в соседний лес и говорить о своем, запредельном. Если в лесу холодно и мокро, они надевают плащи и резиновые сапоги и ходят по полю. И обду-

мывают теории – удивительные, волшебные, волнующие их больше, чем море, небо, горы и звезды.

– Вот, смотри! – Мама позвала нас к компьютеру.

– Мам, тебя обманут, – сказала я, видя, как мама с радостью рассматривает красивые двухэтажные домики из светлого дерева, за которыми виднеется лазурно-синее, бескрайнее море, на которое мы никогда не поедem. А если и поедem, домики эти окажутся в соседнем, «элитном» доме отдыха, море будет грязным, а берег людным. Это я осторожно и высказала маме.

– Почему, дочка? – Мама посмотрела на меня самыми прекрасными в мире глазами, огромными, доверчивыми, которые созданы для того, чтобы их обманывали. Или любили, как ее любит папа, мамин муж.

– Потому что – ты цену видела? Разве может быть за эту цену такое чудо? Всё из дерева, лес, море?

– Ну ладно... Ты, наверное, права... – Мама закрыла страничку, грустно вздохнула.

– Ну, а где это хотя бы? Как называется?

– Бухта... сейчас... забыла, название красивое... то ли Икар, то ли Энап... Эмилия, нет не Эмилия... – стала перебирать названия мама, заново открывая страничку.

– Греция? – поднял голову папа. – Ты полетишь?

Не могу сказать, что он очень радостно это произнес.

– Нет! Не надо лететь! Почему Греция? Это у нас в Краснодарском крае, между Туапсе и Геленджиком! Можно дое-

хоть на поезде... двадцать два часа и – фьють! – Мама показала рукой, как мы легко можем оказаться на далеком синем море.

С тех пор, как мама стала бояться летать на самолетах, все места нашего возможного отдыха делятся на те, куда бы мы точно поехали, если бы мама согласилась лететь, и на те, куда можно доехать на чем-то другом. Ехать, конечно, необязательно, лучше нашей дачи ничего нет, но помечтать можно.

Родители дружно собрали две сумки (чемоданов у нас нет, точнее, есть один, на чердаке дачного дома, но в нем хранятся родительские конспекты из юности), быстро взяли билеты на поезд. Когда мы сели в купе, *тот человек* написал мне: «Привет! Я в Москве, пиши, увидимся!». Я удалила сообщение и ничего не ответила – не знала, что сказать.

А мы с родителями через сутки на самом деле приехали в такое прекрасное место, что целых два дня ни мама, ни папа ни разу не взяли тетрадки на пляж и не уткнулись одним своим мозгом, разведенным случайно в две черепные коробки, в какую-нибудь «самую красивую формулу». Потому что ведь формулы бывают красивые, очень красивые и самые красивые! А вы как думали – что формулы это скучно? Для ботанов? Нет. Моя мама даже не в очках. В очках только папа, и они не мешают ему быть подтянутым и вполне спортивным. Родители бегают по утрам. Надевают одинаковые ветровки, одинаковые шапки и бегут по дворам. Меня не зовут – почему? Не знаю. Забывают, что я есть. Иногда

после работы они идут во двор, где у нас сделали спортивную площадку рядом с детской, два раза отожмутся, подтянутся, а потом сядут на лавочку и продолжают спорить, писать, смеяться над одним им понятными математическими шутками – папа мастер таких шуток, когда смешно, но ничего непонятно. И я смотрю на них в окно, а потом открываю его и зову их домой, как обычно родители зовут детей, а они меня не слышат, потому что обсуждают свое – запредельное. Телефоны они оставляют дома, потому что постоянно поступающие в телефоны волны мешают их мозгам работать в нормальном режиме – это аксиома в нашей семье. Выключи или отложи телефон, а потом уже жди от своего мозга полета в невиданные миры сложнейшей мировой гармонии, коей являются математика и физика, и биофизика, их младшая сестра. Еще в том мире живет классическая музыка, которую обожают мои родители, приучив и меня ее любить. Именно приучив, год за годом, с раннего детства.

В детстве я занималась музыкой, причем играла на редком инструменте – на арфе. Ее купили в музыкальную школу, и никто в группу игры на арфе не записался, записали меня, потому что я пришла в школу сама, в семь с половиной лет – я два месяца была уже ученицей общеобразовательной школы и могла принимать самостоятельные решения. Сейчас, когда я учусь в университете, это для меня самой звучит смешно, но я отлично помню: я смотрела-смотрела, как некоторых детей из моего класса тащат после уро-

ков в музыкалку, и тоже решила сходить, посмотреть, что там да как. Мои мама с папой даже не очень удивились, когда я рассказала, что записалась в музыкальную школу, стали хохотать, подталкивать друг друга, подмигивать: «Это она в тебя! Авантюристка! Это она в тебя! Оригиналка!»

И когда я семь лет и еще один дополнительный восьмой год училась играть на арфе, я тоже была немножко из другого мира, как мои родители. И я могла иногда сказать потерявшимся в своем загадочном физическом мире родителям: «Пока! Я ушла туда, где вас сейчас нет!» Сказать с любовью, уважением и даже преклонением. Потому что у меня таких мозгов, как у них, – нет. И такой любви к науке. Я хотела поступать в музыкальное училище, находящееся как раз недалеко от Курчатовского института. Пришла в начале девятого класса на консультацию, походила по коридорам, посмотрела на студентов, – поняла, что через год я так же, как другие студенты, встану, прислонясь к забору, с сигаретой, заговорю на мате, покрашу волосы в синий или зеленый цвет в знак протеста против всего – что я звезд с неба не хватаю, что у меня болят пальцы от струн, всегда болели и болят, что училище мое не самое лучшее, что через улицу где-то там в своем загадочном корпусе с тройной степенью секретности сидят мои мама и папа. Их, кстати, несмотря на секретность их здания, из страны выпускают, потому что лично их гипотезы и докторские не связаны с обороной. И подработка папина не связана с обороной, подработка у него там же,

на территории института, в соседнем корпусе, где какая-то оборотистая фирма арендовала две комнатки, и папа туда заходит, заносит выполненные задания по созданию хитроумных замков для бандитов и их дверей и всякой подобной ерунды. А кому из нормальных людей могут понадобиться замки, реагирующие только на твой голос? А если ты охрипнешь? Или попросишь соседку зайти полить цветы? Что тогда? Зато мы теперь не нищие, как были раньше, о чем мама с хохотом сообщала всем интересующимся, а совершенно обычные, как большинство населения нашей прекрасной и необъятной родины, не беднее остальных. Меня немножко бесит эта поза – ведь это поза, ничего более? У нищих нет ни своего дома, ни машины, пусть старой, но на ходу, ни дачи с печкой, ни кота, который предпочитает на обед остатки нашего куриного супа или рыбы.

В музыкальном училище я год все-таки отучилась на подготовительном, решила – посмотрю, вдруг первое впечатление было неправильным. Как-то вечером я шла с занятий домой, думая, что здорово было бы брать с собой Рыжика, чтобы не бояться поздно возвращаться по дворам, и вдруг увидела странные мусорки – разного цвета, никогда раньше таких не видела. На одной был явно самодельный плакат «Сделай хоть что-то для планеты или иди и хрюкай дальше!»

Я пришла домой и стала читать о раздельном сборе мусора, который начался не так давно в Москве. Потом, проходя по бесчисленным ссылкам, прочитала про засорение океана,

про китов, выбрасывающихся на берег, потому что они съели маленьких рыбешек, которые в свою очередь съели пластик, которым полон океан, про грязные реки России, Китая, Индии, про ужасы Африки, про берега Индонезии, к которым прибывает тонны мусора. Про то, что в маленькой Швеции – много, больше чем в нашей большой стране, современных заводов, без остатка и без вреда перерабатывающих мусор, даже есть завод, где утилизируют старые кроссовки, в которых сорок шесть разных фракций, и всех их нужно перерабатывать отдельно!

Я читала всю ночь, не ложилась спать, уснула за ноутбуком, проспала школу, не пошла на уроки, Рыжика выгуляли родители, думая, что раз я не встаю, то, значит, мне никуда сегодня не нужно. А я спала-спала, и когда проснулась, поняла, что я сегодня – другой человек. Я буду спасать нашу планету, потому что кто-то должен ее спасать.

Я очень быстро нашла себе соратников – в других странах их оказалось даже больше, чем у нас. Пришлось срочно подтягивать английский, на который я до этого плевала. Наверное, у меня все-таки есть крупицы родительского мощного интеллекта – врожденные и приобретенные. Поэтому я быстренько разобралась в логике английской грамматики, совершенно простой и банальной (склонений, спряжений нет и – ура!), в том, какие слова нужны для плотного, интересного, плодотворного общения, а что – просто муть, не нужная никому. Четверка по английскому быстро и авто-

матически превратилась в пятерку, хотя меня это волновало и волнует меньше всего.

Последний раз меня дома спрашивали (и выслушали до конца ответ!), какие у меня оценки, много лет назад, когда у меня была тройка по рисованию и папа подрисовывал страшненьким зайцам, которых я рисовала, смешные и трогательные ушки, а кривым елочкам – красивые бантики и шарики, и наша строгая, неподступная учительница, которую родители между собой по секрету звали Акула Гниловна, смилостивилась и поставила мне четыре по рисованию и три по математике – чтобы урегулировать баланс во Вселенной и заставить моих ученых родителей прийти на собрание, помыть ей окна, еще что-то сделать. Они, разумеется, не пришли. Но началка быстро закончилась, а в средней школе у нас была изумительная, моя любимейшая математичка, которая давала такие интересные задачи, что заинтересовалась даже я, до этого равнодушная хорошистка, и стала ездить на олимпиады по математике.

Вадюша с Валюшей успокоились – рисования больше нет, по математике – то, что надо в нашей семье. А когда очнулись и поняли, что ни математиком, ни физиком, ни арфисткой я не буду, то... нисколько не расстроились, а даже обрадовались. Ведь я собираюсь поступать в МГУ на географический факультет! А он рядом с физфаком и биофаком. И вообще там островок настоящей науки, там работают хорошие люди, великолепные, самые лучшие педагоги, исто-

во и неистово (великий наш язык!) занимающиеся наукой. Что еще надо? География, так география. Экология – просто прекрасно! Не глубоко научно, конечно, зато гуманно и имеет большой судьбоносный смысл для всей планеты. Поскольку мои мама и папа, как настоящие физики, привыкли мыслить либо в атомарном, либо в планетарном масштабе, и эти два измерения удивительным образом сливаются у них в одно – космическое, бесконечное, совершенно грандиозное, то мое решение спасти планету им очень понравилось.

* * *

– Маняша! – Папа обнял меня. – Я ведь совсем не ревную, ты не думай. Езжай куда хочешь. Но, пожалуйста, не водись там с Кашеем.

– С чего ты решил, что он едет?

– Если ты едешь, то и он рядом нарисуеться, вот увидишь.

– Что тебе в нем не нравится?

– Он красивый, но карьерист.

– У него только волосы красивые, пап, и глаза.

– Этого достаточно для такой хорошей девочки, как ты.

Он больше не спрашивал, не рассчитываю ли я на Нобелевскую премию?

Я засмеялась:

– Больше нет.

– Может, отстанет? – с надеждой спросил папа.

– Пап, это обидно. Что, меня нельзя просто так любить, без твоей Нобелевской премии?

– Можно, Маняша, можно, ты же прекрасна! Как твоя мама.

– Я на тебя похожа, пап, на твой нос. – Я провела по папиному носу, крупноватому, но правильному, ровному, с тонко очерченными ноздрями.

– Да, да, дочка. – Папа еще крепче меня обнял. – Но такие карьеристы, как Кащей, никого, кроме себя и своей карьеры, не любят.

– За ним девочки гоняются, пап, почему Кашеём-то он у тебя вдруг стал?

– Вон, звонит, – кивнул мне папа на фотографию, высветившуюся у меня на экране. – Кащей в молодости, и точка. Хитрющий.

– Когда ты выходишь из эмпирей, папочка, – хмыкнула я, – то оказываешься таким наблюдательным! – Я ненароком сбросила звонок, послав автоматический ответ: «Не могу сейчас говорить».

– У вас всё хорошо? – В комнату заглянула мама, взявшаяся мыть несчастного Антипа, который укусить маму не может и только страдает от мытья, умоляюще глядя мне (мне! – не маме!) в глаза. Моя мама, никогда не повышающая голос, отличается мягкостью обращения и завидной твердостью характера.

– Обсуждаем женихов, – пояснила я маме.

– Ладно, погрейте там что-нибудь поесть. Вареники были старые... те... с дачи... – кивнула мама, явно думая о чем-то своем. Потому что если она пошла мыть Антипа, совершенно чистого, чистоплотного, домашнего кота, (который последний раз выходил на улицу неделю назад на даче, посидел задумчиво у крыльца и вернулся обратно), то это значит, что у нее зреет какое-то невероятно изящное решение, и ей надо побыть одной, без второй половины своего мозга, без моего папы.

– А про Гену-баритона ничего не хочешь узнать? – поддела я папу.

– Очень хочу. Но пойдем, и правда, сварим вареники. В холодную воду класть, да?

– В горячую, пап! Ты же физик, ты что! В холодной слипнутся!

– Да? – так удивился папа, что я от внезапно накотившей нежности прижалась к его спине.

Вот какой чудак-человек, ведь это всё искренне! Что хорошо с моими родителями – они как дети – те, которые еще не знают многих законов окружающего мира. Как они могли такими остаться, прожив по сорок лет и двадцать из них как минимум прожив физиками? Не знаю. Но я знаю, что это всё правда.

Вот неужели он не хочет вкусно есть, как все? Я зареклась готовить в нашем доме. Класе в седьмом я неожиданно полюбила готовить. Читала в школе на скучных уроках

рецепты, сохраняла их, пробовала что-то стряпать, заменяя манкой всякие загадочные ингредиенты вроде «сарго», бабушкиным вареньем – все свежие фрукты, которые нужно было класть в пироги зимой, солеными огурцами – авокадо, яйцами – диковинные утиные печенки и еще что-то, что даже с объяснением было непонятно и недоступно. Мама с папой быстро съедали то, что я приготовила, а потом брали из шкафа сушки, наливали себе огромный чайник невкусного, вчера утром спитого чая и отправлялись, довольные, в свою комнату, искать самое красивое решение какой-нибудь задачи. И никогда – никогда! – не удивлялись, меня не хвалили, бабушке не рассказывали, какая я умница, и, самое главное, утром никогда не помнили, что вчера вечером я приготовила на ужин.

И я готовить перестала, тем более, что в начале восьмого класса у меня в школе появились одновременно два ухажера – друзья Трясов и Панюшкин, оба видные, яркие, оба чуть-чуть ку-ку, так бывает очень часто – смотришь на парня, ах, какой красивый, думаешь, а начинает говорить – всё. Ку-ку из города Баку. Бакинцы тут ни при чем, это просто присказка моей мамы. Они с папой придумывают что-то вроде этого, и оба хохочут от всей души, как будто им двенадцать лет. Я в таких случаях, даже если мне и смешно, не смеюсь до последнего – из принципа. Иногда не выдерживаю, потому что мама как начинает смеяться, то может смеяться по-настоящему до слез, а Вадюша прекращает обычно

смеяться раньше, ему уже не так смешно, но он хочет, чтобы смеялась его любимая Валюша, моя хорошая и любимая мама, и он повторяет и повторяет свою или ее собственную шутку, от которой маму вдруг так разобрало. И они хохочут, а я смотрю на них молча и радуюсь.

Конечно, у кого еще есть такие чудо-родители, как у меня, Валюша и Вадюша, оба без пяти минут доктора наук, молодые, веселые, с чудо-мозгом, поделенным напополам?

Это, кстати, почти правда. Потому что они, если не могут существовать уж полностью, как один организм, это природой не предусмотрено, но как единый мозг – существуют. Если загораются – то оба, если ходят скучные и раздраженные в воскресенье, значит, оба не могут найти решение. Наука, конечно, знает такие удивительные интеллектуальные тандемы. А я и без науки вижу, что это какая-то единая, загадочная энергетическая система – мозг моих мамы и папы. Только в этой системе не предусмотрена такая часть, как я. Поэтому я существую автономно и не слишком переживаю – система же меня любит, заботится обо мне, волнуется, если я болеваю. Но система сама по себе, а я – сама по себе. И тут уж ничего не поделаешь.

* * *

– Зря ты так мало вещей с собой взяла! – совершенно нелогично посетовала мама, которая вообще может приехать

на отдых без вещей – как было однажды зимой, когда мама с папой решили отдохнуть в подмосковном доме отдыха для восстановления сил очень пожилых и уставших людей – в центре геронтологии, иными словами.

Почему они выбрали именно такой вид отдыха, до сих пор для меня остается загадкой. Но мама приехала туда совсем без вещей, потому что пока мы собирались, она читала необыкновенно интересную книгу, которую папа ей купил на каком-то книжном развале.

Книга называлась «Биофизика для студентов вузов», и была переводом японского учебника на русский язык. Мама то и дело хваталась за голову, смеялась, возмущалась, говорила: «Так-так-так...», теребила папу: «Вадик, ты только послушай... Нет, ну надо же, ведь вообще-то это наоборот... Что, они по потолку там ходят, что ли? Это – липид, ты понимаешь? Он что, сам себя так нарисовал? Автопортрет? Ничего не понимаю, почему ион магния вдруг не участвует в аутодефосфорилировании? Может, перевод неправильный?» И в результате приехала в дом отдыха в январе в осенних сапожках и трикотажной толстовке с голубым зайцем. Папа не проследил за ее одеждой, потому что все-таки не удержался, подсел к ней и тоже стал удивляться, смеяться, восхищаться и возмущаться тем, как японцы излагали привычные для моих родителей вещи.

И сейчас, стоя на перроне, мама вдруг пеняет мне, что я взяла мало вещей.

– Мам, я же не на отдых еду, на конференцию. И тащить много не хочу.

– Но ты же... – Мама осеклась, украдкой взглянув на папу. – Ты же там вроде...

– Моя электричка! – увидела я приближающийся красно-серый поезд, аэроэкспресс, который должен был отвезти меня в аэропорт с Павелецкого вокзала.

Мама кивнула.

– Давай мы все-таки тебя в аэропорт проводим, а, Мань? – Папа обнял меня. – Ну что ты одна потащишься с большой сумкой! Надо было на машине тебя отвезти, пробок уже нет...

– Не одна, пап, вон ребята с факультета, – кивнула я на группу ребят, стоящую поодаль, в которой с ужасом разглядела... Гену-баритона. А он-то что здесь делает? Он никогда не интересовался экологией. Пришел меня провожать? С таким огромным чемоданом? Гена не любит экологию, но зато Гена очень любит сюрпризы!

Гена как раз лихо сдвинул ярко-зеленую кепку с надписью «Грин.ру» и, увидев меня, разулыбался своим огромным ртом так, что его большая челюсть задвигалась во все стороны. Понятно, что Гене для пения нужна такая крупная и подвижная челюсть, звук лучше проходит, но для жизни это большая проблема. Иногда челюсть у него заедает, во время хохота или зевка, и тогда Гена вправляет ее руками.

– Это тебе машет вон тот мальчик? – вдруг заинтересова-

лась мама. – Какой некрасивый...

– Почему? – неожиданно для самой себя вступилась я за Гену.

– Потому что урод, – вздохнула мама. – Генетические уродства передаются по наследству, запомни.

– Он хорошо поет, мам!..

– Пение может не передаваться, а челюсть передается.

– Конечно, – кивнул, посмеиваясь, папа. – Человечество деволюционирует, деградирует то есть. Поэтому скорее уродство передастся, чем талант.

– Да вы что, вообще, что ли! – Я посмотрела на озабоченно переглядывающихся родителей. – Я уезжаю на три дня, а вы взялись мне лекции по генетике читать! Я не собираюсь с Геной детей заводить, не переживайте!

– Я очень переживаю, дочка, – сказал папа, поправляя мне волосы и крепко держа за плечо.

Мама обняла меня с другой стороны, а я увидела, как от группы студентов отделился высокий стройный молодой человек и, отбросив назад красивые пепельные волосы, направился напрямик к нам. Не хочет же он сказать, что он тоже едет? Вот папа как в воду смотрел... Или это вообще не он? И зачем он подходит к моим родителям?

– Здравствуйте, – лучезарно улыбаясь, сказал Кащей. – Вам Маша про меня говорила?

– Я говорил тебе – какой же он наглый! – шепнул мне папа.

– Нет, ничего не говорила! – искренне воскликнула ма-

ма. – А вы с Маняшей учитесь на одном курсе?

– Мам... – Я остановила ее. – Привет, ты чего хотел? Ты что здесь делаешь?

– Видите, как она со мной? – обратился он к моим родителям. – Всегда так. Да, я еду руководителем группы на экологический форум молодежи. Мне в последний момент сказали, и я, разумеется, согласился. Машенька ведь едет! Ее оберегать нужно! Она еще совсем ребенок! Вы не переживайте! С Машенькой всё будет хорошо, я постараюсь за ней уследить!

От возмущения и от идиотизма всей ситуации я даже не знала, что сказать. А Кашей (это был именно он) подхватил мою сумку, пожал руку моему папе (точнее, папа безо всякой охоты пожал протянутую ему руку), слегка поклонился моей маме и, взяв меня за руку выше локтя, потащил к электричке.

– Пусти меня, – прошипела я.

– Сядешь в поезд и отойдешь от меня. Ты опоздаешь на самолет.

– Сама всё знаю! – пробормотала я, оглядываясь на родителей.

А их уже и не было. Ушли решать самые красивые уравнения, не помахали, ничего толком не успели сказать. Мне обидно. Мне всегда обидно, что я хуже, чем их формулы и теории. И когда маленькая была, было обидно. И сейчас тоже. Может быть, поэтому я так хочу увидеть *того человека*

и посмотреть ему в глаза. Чтобы убедиться, что есть кто-то, кто относится ко мне по-другому. Ведь он сказал мне по телефону: «Ты даже не представляешь, как я по тебе скучаю». Он по мне скучает, хотя видел меня последний раз восемнадцать лет назад. А мои любимые родители, Валюша и Вадюша, ускакали домой, не оглянувшись, не дождавшись, пока уйдет поезд. Папа, главное, такой ревнивый, ушел и ничего. Идея какая-то пришла в голову, значит.

– Ты такая свеженькая, как обычно, а я не выспался, – улыбнулся Кашей, подсаживаясь ко мне.

– Ты плохо выглядишь, потому что куришь, – пожала я плечами.

– Я почти бросил, – виновато кивнул он.

И это вранье. И виноватая улыбка, и то, что он почти бросил. Как можно бросить «почти»?

– Вранье, – так и сказала я.

– Ну, вы видите, видите... как она со мной... – проговорил Кашей, хотя никто не смотрел на нас и не интересовался тем, как я с ним разговариваю. Той девушки, которую я видела на фотографии, в нашей группе не было. А кому еще может быть интересно, как я отвечаю Кашею? Никому!

Хотя нет... Я вдруг почувствовала, как кто-то просто жжет меня взглядом. Кто!.. Кто, как не Гена-баритона! Он же не думал, что и Кашей тоже поедет! Он ведь хотел наконец расставить все точки над «и», как он собирается сделать с самого первого дня нашего случайного (или неслучайного)

знакомства! А тут на тебе!

— Как ты меня зовешь в мыслях? — близко склонившись ко мне, так, что я видела его третье веко и чувствовала запах табака и горьковатого одеколона, тихо спросил Кашей.

— Давай пересядем, — попросила я. — Вон туда, за китайцами, подальше от того мальчика, который сейчас на нас смотрит.

— Куролесов? Пусть смотрит, его вообще брать не надо было, он не имеет отношения к экологии, напросился. Взяли из-за концерта, который там будет. Почему он, кстати, так на тебя смотрит?

— Надеется на взаимность, — спокойно сказала я.

— Хм! — нахмурился Кашей. — А у него есть надежда?

— «Надежды юношей питают», как говорила моя бабушка, — засмеялась я.

— Да? — Он покосился на Гену-баритона. — Можно с ней познакомиться? С такой мудрой женщиной...

— Бабушка умерла. А если бы была жива, тебе бы от нее не поздоровилось.

— М-м-м... извини... — довольно равнодушно проговорил Кашей. — Да, черт, я так и чувствовал, что с этим Куролесовым что-то не так... Всё уточнял, уточнял, кто едет, кто где жить будет, я говорю — тебе какая разница, кто с кем в номере... Ладно, разберемся, домой отправим, если что... Тебя, кстати, я в отдельном номере поселил. Как раз девочек нечетное количество, тебе достался номер на одного. Здоро-

во, правда?

– Здорово, – пожала я плечами, хотя уже присмотрела себе девочку с химфака, с которой с удовольствием оказалась бы в одном номере, мы с ней на собрании перед отъездом сидели вместе и разговорились.

– У тебя стипендия повышенная? – без перехода спросил Кашей.

– Да, – немного удивилась я.

– В следующем семестре я могу устроить так, чтобы ты получала еще одну стипендию, федеральную. У тебя вообще как с деньгами?

Я молча улыбнулась. У Кашея такое свойство – перелетать с предмета на предмет, так что ты не успеваешь за его мыслью, пока пытаешься перестроиться, он быстро отвечает за тебя, и тебе приходится оправдываться, отказываться, переубеждать, потому что обычно он говорит за тебя полную ахинею.

– Плохо с деньгами, я знаю. А будешь дружить со мной, так у тебя всё будет хорошо, в том числе со стипендиями.

– Ладно, – кивнула я, решив не спорить и не спрашивать, за какие особые заслуги мне могут выплачивать федеральную стипендию. И неужели правда, что есть люди, которые получают ее просто так, например, потому что дружат с Кашеем, работающим в одном из управлений университета – там, где решаются, видимо, очень практические вопросы.

– Так как ты меня за глаза зовешь? – без перехода спросил

он.

– Кащей, – спокойно ответила я.

– В смысле? Как... Что ты сейчас сказала?..

Надо было видеть в этот момент возмущенное лицо Кащея, обычно самодовольное и одновременно неуверенное!

– Зову тебя Кащей. Еще вопросы есть?

– Нет.

Обиженный, он отвернулся. Достал из кармана пиджака пакетик, забросил в рот мармеладку. Посидел, потом встал и пересел далеко вперед, где сидела группа китайских туристов. Ничего, пусть посидит, послушает разговоры на непонятном языке, подумает о своем поведении. Я видела, что он сел с полной невысокой девушкой с красными волосами, я знала, что она работает в хозяйственном управлении, и почему-то тоже поехала с нами. Возможно, она волонтер, тоже занимается экологией.

Смешно, конечно, что я стала звать его вслед за папой Кащеем. А как мне его звать? По фамилии? Фамилия неудобная, непонятная, несерьезная – Лубошкин. А имя... Некоторые, конечно, зовут его по имени-отчеству, потому что ему уже двадцать восемь лет, он окончил магистратуру одного из малопонятных факультетов «Школа социальных наук» и работает в университете, числится где-то замдеканом, но главная его работа – в одном из управлений, Кащей активно занимается общественными делами: то организует научную конференцию, то встречает иностранных гостей и едет с ни-

ми по стране, то занимается с молодежью, то есть с нами, вот как сейчас. Ко мне он стал подкатываться еще в прошлом году, в конце первого курса, совершенно неожиданно.

Мы ездили курсом на «полевую практику», завершавшую наш первый год учебы, в Ярославскую область. Поехали далеко не все, но курс у нас большой, всё равно было очень много народу, и с нами отправили шесть взрослых руководителей, мы не всех знали. На второй день ко мне подошел один из них и просто сказал: «Мария, я хочу от тебя детей». «Что?» – не поняла я, думая, что ослышалась. «Ты – сама жизнь и огонь, рядом с тобой тепло». Я чуть отодвинулась от странного человека. А на вид – нормальный... Он засмеялся и отошел. Я потом долго думала – что это было?

Я узнала, что зовут его Вольдемар Вольдемарович, он на четверть татарин, на остальные части русский, и на вид был бы абсолютным славянином, если бы не третье веко, вот оно-то и выдает его скрытую монголоидность. Я не расистка, скорее даже наоборот – я не люблю не людей другой расы, а ксенофобов, делящих мир на белых, черных, желтых. Но... от какого-то повышенного любопытства и одновременно интуитивной настороженности в общении с людьми другой расы избавиться не могу.

Имя у Кашея очень неудобное, еще неудобнее, чем фамилия. Поэтому некоторые начинают что-то придумывать с этим именем, пытаются звать его Волик, Деня, Дёма, Дюник, Марик... или просто Володя. Но он не откликается, наста-

ивает, чтобы имя его не корежили, звали полным именем. А мне имя кажется несерьезным. Ну зачем было так называть ребенка? Чтобы он вырос вот таким, как Кашей – смеющимся, лучезарным, приятным и... совершенно неискренним. Как может неискренний человек быть лучезарным? Как Кашей. Словно ты видишь человека, играющего на флейте милейшую мелодию, светлую, пронзительную. Ты слушаешь эту мелодию, она тебя обволакивает, уводит за собой, становится всё громче... А в соседнем помещении, за закрытыми дверьми сидит оркестр и играет мрачную, тяжелую, нудную пьесу, репетирует, начинает сначала, в ней много басов, много бесконечных некрасивых пассажей. Но та музыка слышна лишь фоном, изредка, когда музыкант, играющий на флейте, берет дыхание.

Кашей посидел-посидел с китайцами, да и вернулся ко мне, грациозно присел рядом, на пустое место, переставив мою сумку.

– Ну, как настроение? – спросил он, как будто обижалась только что я, а не он.

– У тебя не очень, у меня хорошее, – ответила я.

– Ты дерзкая, – улыбаясь и разглядывая мое лицо, которое он сто раз уже видел, проговорил Кашей.

– Что-то не так с моим лицом? – Я провела рукой по щеке. – Я испачкалась?

– Ты – изумительно красивая, – ответил Кашей.

Я знаю, что это не так, ничего изумительного во мне нет,

и это просто фигура речи, но спорить, выдавать свою неуверенность не стала. Конечно, я немного не уверена в себе. Как ко мне на самом деле относится Кащей, я не знаю. А от любви Гены-баритона я только теряю уверенность, уж больно он нелеп. Почему меня любят одни лишь странные и очень странные люди? Правда, к примеру, на нашем курсе абсолютно нормальных нет, да и кто знает, что такое норма?

Вот тут бы и спросить Кащея про его девушку, но как? Вместе они не ходят, фотографий новых совместных нет, люди ведь всё про себя сейчас выставляют на всеобщее обозрение – и не захочешь знать, а узнаешь. Утром открываешь телефон, а тебе в ленте новостей плывут чужие обжимашки, улыбки, искренние, неискренние, попы, едва прикрытые купальниками, и комментарии лучших друзей под ними: «Скинемся Насте на штаны!», мужчины фотографируют свои галстуки и просят помочь выбрать самый эффектный на сегодняшний вечер, женщины снимают, как из серой, замотанной буднями мышки они превращаются в яркую диву с помощью правильно нанесенной краски, бабушки снимают детей, пускающих пузыри, ползающих, падающих, дедушки сосут детские соски, а бабушки снимают на камеру, как полуторагодовалые внуки хохочут, глядя на дедушек, ну и так далее.

В ленте я Кащея и его девушку не видела, он-то ничего не ставит про себя. Но когда он в этом году стал ходить вокруг меня кругами, приглашать на какие-то мероприятия, кото-

рые ко мне не имеют отношения, я полезла в социальные сети, нашла его странички и внимательно все просмотрела. Надо же понимать, что он за человек и что ему от меня нужно. Я ничего не поняла о нем, зато увидела несколько довольно старых фотографий, где он крепко-крепко обнимает девушку по имени Анжелика. Правда, на некоторых других групповых фото он так же крепко обнимает каких-нибудь ближайших соседей, двух или трех – у Кашея невероятно длинные руки даже для его высокого роста. Но нет. Разница есть. Как она к нему льнет, как склоняет голову на плечо...

Недавно он проговорился, жалуясь на свою жизнь. Я слушала-слушала, как он рассказывает о том, что у него нет выходных, что он делает столько, сколько по-хорошему должны были бы делать пять человек, и спросила: а отпуск у него бывает? Да, ответил Кашей, отпуск бывает, тем летом, в августе он ездил в Грецию. А я только что видела фотографии Анжелики на галечном пляже, в красном купальнике, черной сетчатой шляпе, с распущенными темными волосами по загорелым плечам. И обозначенная геопозиция – «Халкидики». Август прошлого года. Конечно, даже если это и не совпадение, и они там были вместе (во что мне совсем не хочется верить), то время прошло, почти целый год, что-то могло измениться в их отношениях... Но Анжелика работает в главном здании МГУ, там же, где мой факультет, я не знаю кем: преподает или где-то в администрации, но я ее иногда встречаю, она вполне веселая и довольная жизнью и, глав-

ное, со мной очень приветливо здоровается.

Мы с ней случайно (или не случайно, как я теперь уже думаю) познакомились в столовой. Я шла с тарелкой супа, а Кашей помахал мне рукой – он сидел с группой молодых преподавателей или аспирантов и, поскольку я только кивнула в ответ, вскочил и привел меня к ним за стол, представил как «Марию, очаровавшую весь географический факультет». И я села как раз рядом с Анжеликой. Она сама тогда сказала: «Привет, я Анжелика!», сказала доброжелательно и легко. Вот поэтому мне ничего и не понятно.

Ведет себя Кашей так, как будто у него никого нет, слишком откровенно за мной ухлестывает, никого не стесняясь. Меня уже многие спрашивали: «Что у тебя с Вольдемаром?» «Ничего», – отвечала я, каждый раз чувствуя, что вру. Хотя ведь на самом деле – а что у меня с Вольдемаром? Мы ни разу вместе никуда не ходили, даже не гуляли, лишь несколько раз разговаривали и немного общались на полевой практике. И всё равно я чувствую – у меня с Кашеём очень всё непросто. Не так, как было со школьными ухажерами, не так, как с Геной.

Кашей сейчас начал что-то рассказывать, а я думала: ну как спросить про Анжелику? Ведь если я прямо спрошу, он поймет, что мне это важно. А почему мне это важно? Потому что я в него влюблена. И я попаду к нему в плен. Я видела как минимум двух таких девушек, которые постоянно выются вокруг Кашея, выполняют какие-то его поручения. Может

быть, он сознательно окружает себя такими девушками, которые бескорыстно помогают ему, такие вот ассистенты-волонтеры – за его улыбки и приятельские объятия? Не знаю, всё это странно.

Недавно я поняла, что ясный и солнечный мир, каким он мне казался раньше, там и остался – в моем счастливом детстве, где дни были долгими, лето бесконечным, законы жизни понятными, правильными и неоспоримыми, так мне преподнесли их однажды мама с папой.

Дедушки мои, к сожалению, умерли, когда я была совсем маленькой, я помню только одного из них, мамино папу, высокого крепкого старика, веселого, шумного. Я его видела несколько раз и немного боялась, потому что он всегда говорил непонятные вещи, и все вокруг начинали громко смеяться. Он был профессором математики, умер «на лету», как говорила мама, которая очень переживала его смерть. Папины родители жили в Калужской области, но оба умерли еще в моем младенчестве, оставив нам крепкий и теплый дом в деревне, который второй мой дедушка, папин отец, инженер-гидротехник, строил много лет по своему собственному проекту – нашу замечательную дачу, на которой мы теперь любимся закатами и собираем грибы.

Что же касается родителей *того человека*, я о них ничего не знаю. Однажды попробовала спросить маму, она так задумчиво на меня посмотрела, проговорила: «Да, Маня, как-то ты у нас обо всем по-своему думаешь... Видишь, мне всё

некогда тобой заняться...» И на этом разговор наш закончился.

С маминой мамой, женой веселого профессора, моей любимой бабушкой, к которой я ездила на лето и зимние каникулы в Архангельскую область, мы были самыми лучшими друзьями, и сейчас мне часто жаль, что я не могу ей позвонить и поговорить с ней. Вообще, если разобраться, мне толком поговорить не с кем.

Когда я поступила в МГУ, я сразу подружилась с двумя девочками. Одна приехала с Дальнего Востока, другая – из Краснодарского края. Мы настолько легко сблизились, что мне казалось – мы будем теперь дружить всю жизнь. Но все очень быстро изменилось. Лера, приехавшая с Камчатки, нашла себе другую компанию, которая мне не подошла, а Тома, чьи родители живут в Туапсе, еще на первом курсе стала встречаться с мальчиком и проводить с ним всё свободное время. Мы с ней сидим на всех парах, разговариваем, она приходила ко мне в гости, но однажды, когда мы пошли вместе в кафе после пар с ней и ее парнем, который ждал ее в скверике у главного здания, я поняла, что она ему рассказывает всё. Всё вообще. Всё, что я говорила о моих родителях, о *том человеке*, о Гене-баритоне, о Кашее, – всё. Я, кстати, не думаю, что Томиному парню это так уж интересно. Он учится на дизайнера в другом институте, приезжает к ней почти каждый день после занятий, им не скучно вместе, и Тома, как я поняла, даже не задумываясь, говорит ему

всё, что знает, — не деля, что является ее жизнью, а что моей. Потому что относится к нему, как к родному человеку, так она мне объяснила. Мне это странно, но, наверное, это та любовь, которой у меня пока нет.

— Я собираюсь с тобой серьезно поговорить, когда приедем, — улыбаясь и сияя глазами, проговорил Кашей и слегка дотронулся указательным пальцем до моей ладони.

— Туда или обратно приедем? — уточнила я.

Кашей засмеялся. У него хорошие белые зубы, лучезарная улыбка, не большие, но очень красивые серо-голубые глаза под густыми светлыми бровями. Он немного смахивает на Чингисхана, который пожил веков пять в нашем русском лесу и стал похожим на Алешу Поповича. Кажется вот-вот запрыгнет на коня и поскачет в неведомые дали с колчаном стрел, не говоря никому, когда он вернется, куда поехал, в кого полетят его стрелы. А его останутся ждать здесь несколько жен... Высокий, стройный, быстрый, в каком-то ракурсе — красивый, в каком-то — страшный, когда раздувает ноздри, прищуривает глаза, растягивает рот в молчаливой улыбке — бесится. И я тогда вспоминаю древнюю историю, как татаро-монголы пировали, праздновали свою временную победу, положив доски на наших раненых воинов. Поэтому я Кашея боюсь, ему не доверяю. И... поддаюсь на его обаяние. Вот и сейчас. Не оттого, что он коснулся меня рукой, а от его улыбки, долгого взгляда, этого тона...

Руки у него, кстати, совсем некрасивые. Человек вроде

бы не виноват – с какими руками родился, с такими и родился. Я не знаю точно, утончаются ли пальцы оттого, что человек становится с годами более духовным. У Кашея не утончились. Его руки – как от другого человека: большие, с длинными пальцами, но грубоватыми, не тонкими, очень мешают всему его образу. И... выдают его. Он хочет казаться сложным, загадочным, а посмотришь на мясистые пальцы, маленькие, как будто вдавленные ногти и понимаешь – нет, никакой ты не тонкий и не загадочный. Все твои хитрости можно понять и расшифровать, если очень постараться.

Но если смотреть не на руки, а в глаза – поддаешься. Наверно, я хочу поддаваться и от этого поддаюсь.

Вопрос, который меня беспокоил и беспокоит: если у него есть девушка, отношения с которой он не афиширует, – то нужно ли мне учитывать ее в моих мыслях и чувствах к Кашею? Я решила для себя так: будет и дальше ходить вокруг меня кругами – спрошу его напрямик. Вопрос этот я пока не сформулировала, но он есть внутри меня. Не дает мне раствориться в моей растущей влюбленности, не дает особенно радоваться. Точнее, я радуюсь, а другой кто-то внутри меня беспокоится, подает сигналы, тревожные, раздражающие.

В самолете место Кашея оказалось далеко от меня. Я вздохнула свободно и расстроилась одновременно. Как это может быть? Может. А вот Гена-баритона, как нарочно, оказался недалеко, через проход. Он еще перед взлетом поменялся местами с соседом и теперь сидел совсем рядом. Ко-

гда мы взлетели, он вытянул длинные ноги в проход, мешая стюардессам, и пытался рукой дотянуться до моего столика, качал его. Ему казалось это очень смешным, он сам смеялся. Потом стал писать мне всякую ерунду, протягивая телефон через проход, показывать лисят в коронах, смеющихся, плачущих, танцующих. Он сохраняет эти картинки из Интернета, даже специально покупает и часто заменяет ими обычную речь – и письменную, и устную.

Гена ассоциирует себя с милым лисенком, хотя нисколько на лиса не похож. На лиса как раз похож Вольдемар Вольдемарович. Но у Гены волосы темно-медного цвета, наверное, поэтому он кажется себе рыжим зверьком, так любит эти картинки и иногда заменяет ими все слова. Ты ему слово, он тебе – лисенка! Ты ему два – он тебе другого! А зачем что-то говорить, когда есть лисенок, прижимающий лапки к сердцу, хитро улыбающийся, да еще и в короне? Это же и есть он, Гена Куролесов из Тарусы, новоиспеченный бакалавр факультета регионоведения.

Я отвернулась, чтобы Гена понял, что я больше не хочу «читать» его лисят, и стала смотреть в окно, за которым были огромные белые облака и густо-синее небо. «На свете счастья нет, но есть покой и воля», – любила повторять моя бабушка, которая ни разу в жизни не летала на самолете, так сложилась жизнь. Не знаю, почему она так любила это довольно спорное и категоричное утверждение Пушкина. Само стихотворение прекрасно, особенно строки «Летят за днями

дни, и каждый час уносит / Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем / Предполагаем жить, и глядь – как раз умрем». Пушкин написал его, когда ему оставалось жить около двух лет. И мы разгадываем смысл этих строк вот уже почти двести.

Глядя в окно на пронзительно-синее бесконечное небо, я вдруг поняла, какое космическое это стихотворение, как и многие его стихи. Когда он силой своего таланта словно приподнимался над землей – вот как мы сейчас в самолете – и видел оттуда, с высоты, все по-другому. То, что было, то, что будет... И чувствовал душой, и знал умом – что мы будем говорить его словами и думать теми же образами. Он придумал мир, которого нет, и мы живем в нем так же, как в настоящем.

Кот ученый, который ходит по цепи вокруг дуба, старуха, которая хотела быть владычицей морскою, а осталась со своим разбитым корытом, смысленный и остроумный Балда, злая мачеха, требовавшая ответа у зеркальца, Онегин, дающий «уроки в тишине» влюбленным в него девицам, Татьяна, трепетно влюбленная, и Татьяна, уже недоступная, в малиновом берете... Они ведь все существуют? Разве они менее реальны, чем далекие звезды, свет от которых доходит до нас, а самих звезд уже давно нет? А мы смотрим, смотрим в ночное небо, ищем там ответа. У звезд, которых больше нет.

Думая о далеком и высоком, я заснула, а проснулась, когда бортпроводница попросила всех застегнуть ремни. Ночь мы перелетели, ее как будто и не было. За окном уже рассвело.

Небо было окрашено густо-розовым, все фотографировали себя на фоне иллюминаторов.

На посадке мне стало плохо, как часто со мной бывает, даже если я не ем в самолете, желудок стал подозрительно сжиматься и подниматься к горлу... Но тут Гена-баритона вовремя подсунул мне лисенка, я фыркнула от неожиданности – не самое лучшее, когда тебе тошно и муторно, обнаружить у себя под носом чей-то телефон с улыбающимся во весь рот рыжим зверьком! А еще если телефон держит рука, на которой написано шариковой ручкой «Маша»...

– Ген, ты дурак? – нашла я силы спросить Гену. – Зачем ты на руке написал мое имя?

Самолет в это время резко пошел на снижение, и я не успела услышать, что ответил Гена. В ушах у меня вовремя зазвенело, их словно заткнули ватой, а тут и самолет подпрыгнул на твердой поверхности посадочной полосы, еще пару раз, кто-то в салоне взвизгнул, мне показалось, что это был Гена, стал разгоняться и... постепенно останавливаться. Некоторые захлопали, я тоже похлопала – своему счастью, что наконец снижение и посадка позади.

В автобусе, который вез нас от аэропорта, Гена умудрился сесть рядом со мной – в полном смысле слова, места рядом не было, и он сел на мое сиденье.

– Лучше бы ты помог мне сдернуть тяжелую сумку с лентой! – в сердцах сказала я, спихивая Гену со своего места.

Он крепко держался за переднее кресло и счастливо улы-

бался. Когда Гена улыбается, всем чертям плохо становится, так тоже бы сказала бабушка. Раньше я не понимала этого выражения, а теперь отлично понимаю. Потому что его огромная челюсть словно разваливается пополам, открывая длинные зубы, которых как-то подозрительно много, точно не тридцать два, не может этот частокол составлять всего тридцать два зуба.

Кашей раз оглянулся на возню, которую устроил Гена, два... Потом подошел и спросил:

– Какие-то проблемы? Ты что здесь делаешь? Ты кто вообще?

Я отвернулась, делая вид, что меня это всё не касается. На самом деле какая мне разница, у меня сейчас другая цель. Экология экологией, но я сюда полетела, потому что должна встретиться с *тем человеком*. И ничто не должно мне мешать.

* * *

В дверь моего номера энергично постучали и, не дожидаясь ответа, ее так же энергично открыли.

– Ты что не закрываешься? – спросил Кашей, прошел и смело сел ко мне на кровать, пытаясь притянуть меня к себе. – Ты успела немного поспать, малышка? Не люблю ночные рейсы.

– Я ухожу, – ответила я, тут же поняв, что совершила боль-

шую ошибку.

– Куда это? У нас собрание.

– Мне надо... – Я поколебалась, говорить ли Кашею правду.

Вообще мой принцип – если правда не обижает того человека, которому я ее говорю, – не лгать. Кашея никак бы не обидела моя правда, но... Он бы стал привязываться с вопросами и, главное, он крепко сейчас держал меня за талию. Не могу сказать, что мне это неприятно, но почему-то мне обидно, что он постоянно говорит о том, что я его соблазняю, пытается обнять, схватить то за руку, то за ногу, но нигде меня не приглашает (я бы с удовольствием сходила вместе с ним на концерт, на спектакль, на выставку или просто в парк) и вообще относится, как к говорящей кукле. Конечно, я могла бы пригласить куда-то его сама, многие девушки так и поступают, но что-то мешает мне – некоторая патриархальность или еще что-то. Может быть, неуверенность, что мне это нужно.

Я встала с кровати, куда Кашей тянул меня, сидя на золотистом покрывале, и отошла подальше, на всякий случай к двери, встала рядом с табличкой, на которой был нарисован подробный маршрут эвакуации. Куда бежать, если запахнет дымом или если твой старший товарищ попробует так настойчиво атаковать тебя.

– Мне нужно идти, у меня встреча, – как можно нейтральнее проговорила я.

– С кем у тебя может быть здесь встреча? Так далеко от дома... – Он одним скачком встал и оказался рядом со мной, как быстрый, слишком худой кот, домашний, но проводящий большую часть жизни на улице, в погоне за кошками и прочими приключениями.

– С... родственниками.

– Неправда. – Кащей погладил меня по голове и не стал снимать руки с шеи.

Ощущая его руку у себя на шее, я как-то растерялась. Пропустила момент, когда нужно было выскользнуть из его рук. Кащей встал близко-близко ко мне, так близко, что мне уже невозможно было вырваться. И тут заиграл телефон. Звонил папа, очень кстати, как всегда. Он часто как будто чувствует моменты, когда мне плохо или когда я собираюсь сделать глупость, вот как сейчас, и звонит. Именно папа, а не мама. Мама может быть рядом с ним, но подговаривает позвонить его.

Кащей прошептал:

– Не-е-ет...

И попытался удержать меня. Конечно, он сильнее, но я ловчее. И я юркнула, быстро взяла телефон и сказала: «Привет, пап», получилось это чуть хриловато, поэтому папа сразу забеспокоился:

– Маня, а что с голосом? Ты здорова?

– Да, просто долго молчала. У меня всё хорошо.

– Как долетела? Почему не пишешь? Как тебе разница во

времени? Спать не хочешь?

– Хочу есть, – засмеялась я, – впрочем, как обычно.

– Вас не кормят? Сама поешь, у тебя же есть деньги, не экономь.

– Вот сейчас собиралась, – ответила я уклончиво. Ведь, конечно, можно было бы и сказать честно папе – я как раз еду на встречу к *тому человеку*... Но я не сказала.

Не обращая внимания на то, что Кашей стоял рядом и пытался опять меня обнимать, я быстро надела туфли и сдержнула с вешалки легкую куртку.

– Выходи, – попросила я.

– Как скажешь, – недобро улыбнулся Кашей и вышел мимо меня в дверь, стремительно понесся по коридору, не оглядываясь. Ну и ладно.

Мне почему-то стало очень обидно, не понятно отчего, но я постаралась не думать о Кашее, а сосредоточиться на том, что я сейчас скажу *тому человеку*. О чем спрошу его. Мне ведь всегда казалось, что я так о многом хочу его спросить.

* * *

Я сидела в кафе напротив того места, где мы договорились встретиться – по навигатору я легко нашла нужную площадь и дошла туда пешком, это оказалось недалеко. Он хотел приехать в гостиницу, но я решила – лучше не нужно. Обязательно кто-то бы привязался с разговорами, некстати подо-

шел бы. А я хотела, чтобы встреча произошла спокойно. Потому что мне и так было совершенно неспокойно на душе.

Я уже сто раз подумала – зачем я это делаю? Надо ли мне это, изменит ли как-то мою жизнь? Я вообще совершенно не склонна к таким сомнениям и колебаниям, но это особый случай. Да, я сама так решила. Родители ведь этого много лет не хотели, иначе бы все было по-другому. И я тому человеку сто лет не нужна. Иначе тоже всё бы было по-другому.

Но... я сижу в кафе и смотрю на площадь, на непонятный памятник в центре ее, что-то похожее на шар неправильной формы, и жду, когда к нему подойдет человек, гены которого живут во мне своей собственной жизнью, человек, которого когда-то любила моя мама (наверное, любила – мама не распространяется на этот счет), и благодаря которому я появилась на этот свет. И я не знаю, как его называть.

У меня есть папа, самый лучший в мире, которого я люблю, на которого я похожа. А как мне называть того человека, который сейчас придет? Человека, который является моим биологическим отцом? Био-отец? Смешно... Био-отец, это даже по-научному как-то звучит... Просто отец? Но отец – это мой папа, который остался в Москве. Двух пап не бывает, как и двух мам – у меня, по крайней мере, это в голове не укладывается. Папа – это папа, мама – это мама, я – это я, и всё это – наш крепкий дружный здоровый коллектив. Наша семья! Мы все друг друга любим, друг другу верим, друг за друга боеем. Иногда они про меня забывают, когда

растворяются в своем мире, но вспоминают же! И растерянно оглядываются, бегут искать, обнимают, ругают, что я потерялась...

Наверное, именно этого мои родители и хотели – чтобы у меня в голове не было каши, а в душе – сумятицы, чтобы я ходила по полу, а не по потолку. Да, они хотели, чтобы я отличала зло от добра, как говорили древние даосы и как не очень хотел самый древний Бог христиан, тот, в которого верят теперь только иудеи и который рассердился на людей за то, что они стали «отличать добро ото зла» – я читаю внимательно Ветхий Завет, спасибо родителям-интеллектуалам, подарившим мне когда-то на семь лет огромную иллюстрированную Библию, древнюю ее часть, и со смехом объяснившим: «Это самые загадочные в мире сказки! Читай и разгадывай!»

Я смотрела, как по площади идут люди. Как мало людей... Наверное, так всегда кажется, если приезжаешь из огромного мегаполиса.

Полный, грузный мужчина лет пятидесяти встревоженно и внимательно взглянул на меня через стекло, даже притормозил. Я замерла. Ведь это не он? Нет... Или он? Он так поправился? Как я вообще его узнаю? Я видела слишком мало его фотографий, он почти ничего не ставит в сеть.

В какой-то момент я почувствовала себя так растерянно, что решила уйти. Зачем мне это? Что я ему скажу? Но я же сама уперто хотела с ним повстречаться. Сама всех растре-

вожила, растормошила, маму, папу, себя... И, возможно, и этого человека. Я ведь ничего о нем не знаю. Что я ему сейчас скажу? «Почему ты не настаивал на том, чтобы со мной встречаться?» Так мне и самой это было не нужно. И хорошо, что не настаивал.

Я долгое время не знала, что у меня есть еще один отец. Узнала случайно и сразу не могла поверить. По отчеству меня в шутку никто никогда не звал – некоторых детей зовут, но у нас это было не принято. Если мама и называла где-то мое отчество, то я не задумывалась и не замечала, что тут что-то не то. Фамилия у меня мамина, я всегда думала, что мама дала мне свою фамилию и сама не стала брать папину, потому что у мамы очень красивая и древняя фамилия Тобольцева, а у папы простая и даже смешная – Якин, как будто в ней не хватает каких-то букв, что-то потерялось. Мама, когда в шутку сердится на него, часто ему говорит: «Якин! Не якай, слушай, что тебе умная женщина, без пяти минут доктор наук, говорит!»

Но однажды, когда мне было лет девять или десять, бабушка летом показывала мне какие-то фотографии, рассказывала, я, как обычно, не слишком внимательно слушала – сведения о многочисленных родственниках не вмещались в мою голову, а бабушка вдруг одну фотографию резко отложила в сторону и даже перевернула ее изображением вниз, неискренне так пробормотав: «Так, это тебе не нужно, зачем тебе это...»

Тут мне стало интересно, как это так? Мне что-то настолько не нужно знать, что бабушка прячет от меня? Я быстро взяла фотографию, пока она не успела ее убрать, и посмотрела. На фотографии моя мама была в... свадебном платье до пола, в длинной фате, с букетом оранжевых цветов, а рядом с мамой под ручку стоял какой-то странный человек, так не похожий на моего папу, что сомнений быть не могло – это не он. Как ни мала я была тогда, но мне стало сразу ясно – это не папа. Да ведь я тысячу раз видела фотографию с родительской свадьбы – она висит у нас в коридоре в рамочке под стеклом. Мама в голубом свитере с высоким воротником, папа в ветровке, кругом горы – так проходила их свадьба, они очень любят об этом со смехом вспоминать. Как они пошли в поход с друзьями и только там всем рассказали, что позавчера быстро расписались и сразу из загса поехали на поезд, сколько было веселья и восторгов, какая получилась веселая студенческая свадьба без всяких там глупостей, вроде белого платья и фаты – мама и папа тогда были уже аспирантами, самостоятельными людьми, сделали по-своему.

– Что ты, что? – рассердилась бабушка, пытаясь отобрать у меня фотографию. – Откуда она только здесь взялась, ерунда какая-то!..

А я всё рассматривала человека, стоящего рядом с мамой – нет, это точно не мой папа. Папа ростом почти с маму, чуть выше. Этот же человек был выше на голову. Папа симпатичный, с крупноватым носом, темноволосый. У это-

го человека были совсем другие черты лица, пышные рыжеватые волосы и... огромные пшеничные усы. Усы!.. А мама всю жизнь повторяет: «Терпеть не могу мужчин с усами! Не переносу!..» А замуж, судя по всему, вышла за человека с усами, да еще какими!.. Я была тогда уже достаточно взрослая, много читала, у меня хватило ума понять, что это – мамин жених или даже... муж. Ведь есть шанс, что она убежала со свадьбы (платье надела, сфотографировалась и... убежала), но небольшой. Скорее всего, я просто не знала, что мама когда-то выходила замуж за другого человека, не за папу. Бабушка ничего мне объяснять не стала, лишь сказала:

– Дай сюда фотографию. И никогда так больше не делай. Отобрали у тебя, значит, не нужно тебе это.

– А кто это... – начала я.

– Если хочешь что-то узнать, спроси у родителей, – отрезала моя милая добрая бабушка и унесла куда-то эту фотографию.

Я подумала: какие странные взрослые, ведь проще было бы взять и выбросить фото, если оно настолько вредоносное, а бабушка, судя по всему, пошла его перепрятывать. Я решила обязательно всё узнать, но к концу лета забыла об этом, потому что лето в десять лет было бесконечно длинное.

Бабушкина фамилия тоже была Тобольцева, у нее висели грамоты, на которых это было написано – бабушка всю жизнь проработала в школе и была заслуженным учителем. У меня никаких сомнений не возникало – не было повода,

никогда не было – что я не родная дочь своего папы, а он мне не родной отец. Тем более, что я и правда на него внешне похожа. Чем-то... Мне все так говорят. Может быть оттого, что он меня любит, много времени проводил со мной маленькой, а я читала, что дети становятся похожими на тех, кто их воспитывает – не только по поведению, но и внешне, мимикой, даже чертами лица. Потому что природа материи – волновая. Электрон, не самая малая частица, – это уже сгусток энергии. А любовь – это волновая энергия, так мне объяснил папа-физик еще в раннем детстве, и я это хорошо запомнила. Неродной папа. Мой самый лучший, любимый неродной папа. От странных мыслей, не укладывающихся в голову, мне стало как-то нехорошо. Я оглянулась – тут же подошел официант.

– Можно мне чаю с лимоном или... – я подумала, – холодной минеральной воды?

Симпатичный официант, мой ровесник или чуть постарше, кивнул и неожиданно сказал, совсем тихо, так что я сначала даже подумала, что ослышалась:

- Здесь очень дорогая вода, посмотрите в меню.
- Да? – растерялась я. – Тогда просто чаю. Целый чайник, если можно. С лимоном.
- Сколько кусочков лимона?
- Три.
- Один кусочек – тридцать рублей.
- Тогда один, – вздохнула я.

Да, правда, дорогой ресторан. У нас в столовой в университете тридцать рублей стоит тарелка супа. И поэтому к нам иногда обедать ходят очень пожилые выпускники, бедные, не отложившие к пенсии копеечку на тарелку куриного супа.

Тот человек, мой биологический отец (надо ведь привыкать к этому слову!), почему-то назначил именно это место, скорей всего, не знал, как здесь дорого. Я так поняла, что он небогатый, даже наоборот. И сейчас боялась увидеть раздавленного жизнью человека. Что-то такое промелькнуло... Зря, наверное, я не предложила ему пообщаться по скайпу. Хотя у него, возможно, ни скайпа, ни компьютера нет, если он очень бедный. В провинции люди гораздо хуже живут, чем в Москве. Может быть, я что-то перепутала, и он ждет меня сейчас в каком-то другом кафе, там, где на тридцать рублей можно выпить чаю с бубликом?

Я взглянула на телефон, лежащий передо мной. Уже половина первого, а мы договорились на двенадцать... Не может ведь он так сильно опаздывать? Хотя я его совсем не знаю. Когда человек тебе пишет, ничего вообще не понятно. Написать можно всё, что угодно. По телефону мы разговаривали один раз, коротко, перед моим отъездом сюда, – он сам мне позвонил. До этого мы только переписывались, если это можно назвать перепиской.

«Здравствуйте, Анатолий, меня зовут Маша Тобольцева. Вам это о чем-то говорит?»

«Да».

Это была наша первая переписка. Поскольку он больше ничего не написал, я растерялась и тоже дальше ничего спрашивать не стала. Через несколько дней он мне написал:

«Привет, Машиа Тобольцева, как дела?»

Я долго думала, что ответить, и не придумала. А что я могу ответить на такой вопрос человеку, от которого я родилась, никогда не видела в жизни (по крайней мере, я этого не помню!), сама его нашла, и который, как я понимаю, ничего вообще обо мне не знает. Мама так и сказала: «Он знает только то, что ты есть. Зачем тебе это, я не понимаю. Он для тебя никто. И ты для него никто». Мама редко бывает так категорична, и я слегка опешила. Ведь я на самом деле ничего не знаю – почему они расстались, как, что было после того, как фотограф опустил камеру на свадьбе, запечатлев маму в фате и длинном платье. Была ли сама свадьба, сколько они прожили... Вдруг мама села на трамвай в свадебном платье и уехала, сказав: «Пока!» – моя веселая, решительная мама? Тайна за семью печатями, и даже бабушка, любимая и самая лучшая, всегда учившая меня честности, уклончиво, но твердо сказала: «Я говорить ничего не буду, и не спрашивай». А спросила я ее только через год после того, как первый раз увидела эту фотографию.

Мне было одиннадцать лет, я приехала к ней на лето, залезла в комод, где лежала коробка со старыми брошками, красивыми пуговицами, всякими необыкновенными мелочами, которые почему-то мне очень нравились в то время –

нравилось рассматривать их, придумывать про каждую какую-то историю, увидела фотоальбом и – вспомнила. Зимой я болела, на Новый год мы к бабушке не поехали. И весь год я ни разу не вспоминала о той фотографии и о человеке с пышными усами. Как это может быть? Я объясняю себе так – это было что-то неприятное, странное, сам человек мне совсем не понравился, то, что он стоял рядом с мамой, а мама была в свадебном платье, с цветами в руках, мне тем более не понравилось, и было совершенно непонятно. Поэтому память моя просто блокировала это.

Я достала альбом, покрутила его, стала листать. Где-то же должна быть эта фотография? Я же не придумала её? У меня на самом деле память отличная, иногда даже слишком. Можно помнить избирательно, совершенно не обязательно запоминать какую-то ерунду, а я помню всё. Я пролистала весь альбом. Там было довольно много фотографий юной и очень серьезной мамы, студентки, аспирантки, были несколько фотографий молодых мамы с папой и со мной маленькой, но ни одного фото того человека с пышными усами не было. Я подошла к бабушке и напрямик спросила (учила же она меня не бояться правды!):

– Почему ты спрятала ту фотографию? Он кто?

Бабушка пожала плечами:

– А ты не спросила у Валентины?

– Нет.

– Почему?

– Забыла.

– Вот и я забыла, кто это.

– Ба!..

– Маша! – Бабушка, вздыхая, покрутила головой. – Нет, я не хочу вмешиваться. Я и тогда была совершенно не согласна... И я не знаю, кто был прав... Мне-то казалось, что Толя хороший человек... Может быть, я чего-то не знала? Ты ведь знаешь свою маму. Она мне могла чего-то важного и не сказать!

Я ровным счетом ничего не поняла из того, что сказала бабушка, и... снова забыла об этом. Не то чтобы совсем, как в первый раз. Но было ясно, что ничего приятного и интересного мне взрослые не расскажут. Прошел еще год или два, и однажды, когда мама сетовала, что я не люблю физику, как папа, и биологию, как она, и вообще непонятно, что люблю и чем собираюсь заниматься по жизни, и в кого я такая пошла, я возьми и скажи:

– Может быть, я просто похожа на того человека, с кем ты стояла на свадебной фотографии? Это кто? Мой отец?

Я не знаю, почему и кто это спросил, но точно не я. Или если я, то какая-то другая я, которую я совсем не знаю. Ведь иногда бывает так, что поступки совершаешь вроде ты, а вроде и не ты. Словно кто-то или что-то руководит тобой – постороннее, либо живущее внутри тебя, но тайное, до поры до времени никак себя не проявляющее, о существовании чего ты и не догадываешься.

Мама очень долго смотрела на меня и ответила одним словом:

– Нет. – Потом обняла меня, посидела так и сказала еще одно слово: – Да.

Встала и ушла в свою комнату. Я думала, что на этом разговор закончился, но мама через некоторое время вышла, принесла две небольшие фотографии и молча протянула мне. На одной тот высокий человек с пышными усами держал на руках ребенка, завернутого в большой кружевной конверт с розовым одеялком, а рядом стояла улыбающаяся мама и растерянно смотрела в камеру, держа этого человека под руку. На второй фотографии я сидела, совершенно голая, на разложенном диване, с маленькой книжкой в одной руке и показывала кому-то книжку. У книжки один край был откушен, на фотографии это было отчетливо видно. Еще была видна чья-то рука с большими черными часами, в клетчатой рубашке, крепко державшая меня за голую ступню. Рука была в два с половиной раза больше ступни.

– Вот, – сказала мама. – Довольна?

Я не понимала, почему мама вдруг так агрессивно со мной разговаривает, как будто я спрашиваю о чем-то нехорошем, неприличном, требую чего-то. Я промолчала – ведь она сама всегда так делает, когда ответить сложно. Не надо говорить ерунды, саму тебя заводящей в тупик, – просто молчи.

– Да, я не говорила тебе. А зачем? – продолжала мама.

Я молчала.

– Всё сложно. И даже сейчас объяснить сложно, хотя я думала – годы пройдут, и всё станет понятнее.

Я молчала.

– Толя, он... Ну, в общем, я... А твой папа, Вадик, то есть Якин... он... – Мама вдруг начала плакать.

Если иметь в виду, что плачущую маму я никогда раньше не видела – мама плакала на похоронах бабушки, но до них нам всем было еще жить и жить – я испугалась.

– Мам...

– Что, Маша? Зачем тебе вообще это? Тебе чего-то не хватает. Ну, увидела фотографию, и забыла – всё! Я-то думала – каким ты будешь подростком? Вот, оказывается, каким! Любознательным! – Мама хмыкнула, всхлипнула и еще поплакала, потом сказала: – Спрашивай.

– Как его фамилия? – без раздумий спросила я. – Тобольцев?

– Маша, Тобольцева – моя девичья фамилия, соображай головой, тебе уже скоро четырнадцать лет, а ты всё как маленькая. А Толя, в смысле тот Толя, который... – Мама с сомнением взглянула на меня, словно решая, говорить или не говорить, вздохнула и все-таки сказала: – Сергеев.

– А где он живет?

Мама пожала плечами.

– В Сибири.

– А где в Сибири? Сибирь большая.

– Где-то.

И всё. Мама не хотела больше ничего говорить. Я пыталась спросить что-то у папы, он тоже отказывался, тут же прятался за маму или в свои тетрадки, смотрел на меня беспомощно и растерянно, и я отстала. Не хотят говорить – не надо.

Прошло еще два или три года. Я повзрослела. Пошла в одиннадцатый класс, у меня с весны еще появился серьезный поклонник в школе, Голубев Егор, троечник, спортсмен, на год меня младше, высокий, красивый, блондинистый, популярный у девочек, наглый и очень глупый, не дававший мне прохода. Появился и закрепился. Серьезность его намерений заключалась в том, что он для начала разогнал моих вечных неудачливых поклонников Трясова и Панюскина, а потом принялся ухаживать сам: то и дело толкал меня на переменах, прятал мою сумку, однажды подбросил мне открытую пачку сигарет и подошел вразвалочку, громко спрашивая: «Маш, не ты стырила мои сигареты?» Глагол «стырила» звучал гораздо грубее. И я не знаю, как это связано (а в нашем организме всё очень сложно взаимосвязано), но чем больше ко мне приставал Голубев Егор, тем чаще я вспоминала ту странную историю о человеке с пшеничными усами, стоявшем на пороге роддома и державшем меня на руках. Счастливая (вроде как) мама, прислоняющаяся к нему головой, растерянно и чуть тревожно смотрит в камеру. Я (а ведь это точно я, кто же еще?!) – где-то там, завернутая в одеяло с кружевами (Почему, кстати, одеяло? Лето же! Я же летний

человек, родилась в самом начале июля!) – ничего пока не знаю, о том, что было, что будет...

И я взяла и нашла его в сетях, это было достаточно сложно, людей с именем Анатолий и фамилией Сергеев оказалось очень много, несколько тысяч. Я искала очень долго, в какой-то момент подумала, что это невозможно. Пока однажды не наткнулась на страницу Анатолия Сергеева, окончившего физфак МГУ приблизительно в то же время, что и мой папа. Может быть, это ничего не значило, но у меня как-то сильно стукнуло сердце. На странице у него на главной фотографии был какой-то невнятный пейзаж: озеро, мостки. По нескольким другим фотографиям тоже было невозможно понять, тот ли это человек с пшеничными усами, который стоял со мной на руках на пороге роддома, или нет.

Я не знала, что ему написать, решила поговорить еще раз с бабушкой, когда приеду летом, по телефону об этом так просто не поговоришь. Я просто поставила лайк под какой-то старой фотографией на его странице. Ничего толком не понятно – край лодки, река, закат. А он через некоторое время написал мне: «Привет, Маша!» На этом переписка закончилась, потому что умерла бабушка, и мы поехали на ее похороны, мне было тяжело и грустно, и совсем не хотелось начинать какие-то разговоры с непонятным мне человеком.

А потом прошло еще три месяца, и вот тогда-то я и написала: «Здравствуйте, я Маша Тобольцева...»

Сейчас, сидя в кафе, я достала фотографию, на которой я

еще совсем ничего не знала о мире, я специально привезла ее сюда, чтобы показать ему и спросить: «Это вы? Что было потом?» Посмотрела на нее и убрала обратно в сумку. А сейчас я много знаю? Что у него были пшеничные усы, когда я родилась? Сiju неизвестно где, жду неизвестно кого. Послезавтра мой день рождения, как будто нарочно. Но я не выбирала время, когда лететь сюда, так получилось, очень удачно, одно к одному...

Я бы сама еще долго думала – надо ли мне встречаться с этим человеком, а тут подвернулась конференция, на которую я бы, может, и так поехала. Верю я или не верю в пользу таких мероприятий, но делать что-то надо – говорить, писать, объединяться с себе подобными по разуму и по духу. Может быть, взрослые люди, организующие это мероприятие, не очень хотят что-то менять, связываться с хозяевами заводов, спускающих в реки и озера грязь, с мусорными магнатами, но мы-то, студенты, на самом деле этого хотим, ведь сюда приехали одни энтузиасты. Даже билеты мы все брали за свой счет, летели в этой связи самым дешевым рейсом, самым старым самолетом, принадлежащим самой захудалой компании, приобретающей свои летательные средства на аэрокладбище где-нибудь под Дрезденом... Кто-то, конечно, считает, что конференции – это пыль в глаза, так серьезные вопросы не решаются. Их решают в другом месте и совсем другие люди. Митинги и то могут решить больше. Но я надеюсь увидеть здесь единомышленников.

– Здравствуй, Маша Тобольцева! – Человек, подошедший ко мне, меньше всего был похож на того, кого я ждала.

Я ждала, что придет очень высокий, худой человек с вздыбленными рыжеватыми волосами, пышными усами цвета колосков, торчащих во все стороны, плохо одетый и растерянный. А пришел хорошо сложенный, скорее плотный человек чуть выше среднего роста, в белоснежной рубашке, светло-голубых джинсах. Светлые волосы были довольно коротко, но не совсем под ежик подстрижены, на висках еле-еле пробивалась седина.

– Я опоздал, прости, дела. – Он виновато улыбнулся. И мне эта улыбка показалась знакомой. – Молодец, что дождалась. – Он положил на стол хороший новый телефон и изящную кожаную барсетку.

– Можно было позвонить... – пробормотала я, приподнимаясь, совершенно растерянная.

Конечно, это он. Он ведь назвал меня по имени-фамилии. Но он не похож на того человека из бабушкиного альбома. В сети на его странице шесть фотографий. И только на одной, черно-белой и совершенно невнятной, есть люди. На берегу большой реки стоят четверо мужчин, то ли военных, то ли рыбаков. Фотография явно старая, случайная, снятая наверняка на пленку, довольно нечеткая, зачем он поставил это фото на свою страницу, куда почти не заходит, непонятно. Наверное, чтобы я однажды увидела и поняла – это он. Да, я сто раз изучала эту фотографию, вглядывалась в лица. Уве-

личивала лицо человека, стоящего слева, в профиль. Сомневалась. И сейчас я понимаю, что человек слева, в профиль, смеющийся, – это *он*.

– Да, прости, только сейчас увидел, как сильно опоздал. Срочные были дела, неожиданные. Ну, здравствуй, Маша! – Он шагнул ко мне и решительно обнял меня. – Ты похожа на Валю... И на меня... Пожалуй, на меня больше. На фотографиях этого так не видно.

Я с сомнением посмотрела на мужчину. Даже в мыслях язык не поворачивается назвать его отцом. Зря я это всё затеяла. Чужой человек. Зачем я ему написала? Зачем я его нашла? Зачем приехала сюда? Я попыталась обойти его и пойти к выходу.

– Ты что? – удивился он и перегородил мне путь. – Подожди. Что такое? Ты обиделась, что я так сильно опоздал? Ну, прости, Машенька!.. Садись, перекусим. Я решил сначала с тобой сам пообщаться, а потом уже звать тебя в гости. Надеюсь, ты придешь к нам, познакомишься с... – он слегка запнулся, – с моей семьей, с твоим братом.

– Не знаю, – честно ответила я. Потому что я ничего не знала, вообще ничего – ни о нем, ни о себе, ни о своей маме, которая знает всё.

Накануне перед моим отъездом мама вдруг зашла ко мне в комнату. Я уже легла спать, только что выключила свет. Мама села на кровать, погладила меня в темноте по щеке и сказала:

– Я хочу рассказать тебе, как всё было, чтобы никто другой тебе не рассказал того, что должна рассказать я.

– Хорошо, – ответила я.

– Вот, – сказала мама. – Да. – Она глубоко вздохнула. – Очень трудно разрушать свой собственный прекрасный образ. Да. Ладно. Спи. – Мама поцеловала меня в лоб, поправила одеяло и вышла.

– Мам!.. – позвала я, не слишком надеясь, что мама вернется.

– Я не хочу, чтобы ты с ним встречалась, – сказала мама из-за двери, помолчала и снова заглянула в комнату, не заходя. – Зачем он тебе? Всё и так хорошо. А кто был прав, кто виноват... Ну я виновата. И что теперь? Или не виновата. Я всегда больше всего боялась, что начнется вот эта муть – что было, как было, кто виноват... Уйдите вы, наконец! – Мама отогнала Рыжика с Антипом, которые пришли и тоже сели рядом с дверью.

– Мам... – Я быстро встала с кровати и подошла к маме.

Мои мохнатые друзья восприняли это как сигнал, и тут же оба рванули занимать нагретое место на моей кровати. Мне было не до них, я хотела, чтобы мама сейчас не убежала от разговора и от меня. – Мама, мне всё равно, кто и в чем виноват – я же вообще ничего не знаю. Просто я хочу познакомиться с...

– Ну, говори, говори, – усмехнулась мама. – Со своим папой, да? А Вадик – кто? Уже не отец тебе?

– Отец.

Папа вышел из кухни и остановился на пороге моей комнаты, надевая вторые очки – одни у него уже были на лице.

– Фу ты! – сказал он. – Валюша, ты не видела мои очки?

– В руке у тебя! – почему-то очень сердито ответила мама.

– Нет, я не это хотел сказать... – Папа обнял нас обоих. –

Вот давай я всё расскажу, а?

– Ты? – хмыкнула мама и слегка стукнула папу по плечу. –

А что ты знаешь? Что? Рассказчик... Всё. Крайне тяжело с вами разговаривать! С обоими!

– Валюша... – Папа, естественно, поплелся за мамой в кухню, на ходу сдергивая обе пары очков и держа их в одной руке. Второй рукой папа делал мне жесты, которые должны были означать: «Успокойся! Всё хорошо! Не надо ничего сейчас выяснять!»

А мама так мне ничего и не сказала.

Сейчас я взглянула на своего биологического отца и повторила:

– Я не знаю, поеду ли я к вам.

– К тебе, – поправил меня он. – Давай ерундой не занимайся, на «вы» меня звать не надо. Как вышло, уже не исправишь, все были в чем-то неправы. Но ты молодец, что нашла меня. Ты голодная? Голодная.

Я попыталась возразить.

– Я вижу, голодная, – тепло улыбаясь, кивнул он.

– Здесь... гм... – Я решила всё же предупредить его, что ресторан дорогой, хотя он сам уже просматривал меню с совершенно невозмутимым лицом и на вид не был такой уж бедный, как я почему-то себе представляла. – Здесь дорого. Думаю, обедать здесь не будем.

На самом деле из-за разницы во времени я и не хотела есть. В Москве только девять часов утра. Мама с папой сидят за столом и смеются, обсуждая что-то свое, физическое. А что им еще обсуждать? То, что я улетела в Сибирь и сижу сейчас в ресторане с человеком, чья кровь во мне течет?

Как странно... От какой-то нереальности ситуации у меня даже стала кружиться голова и мне стало нехорошо. Я взглянула на запертое окно.

– Душно. Нельзя открыть?

– Можно, – улыбнулся мой... отец. А как мне его называть?

Он сделал какой-то неуловимый жест, и тут же около нашего стола оказался официант, тот самый, деликатно предупредивший меня, чтобы я особенно здесь ничего себе не набирала. Бывают, наверное, такие глупые девушки, которые сначала заказывают, а потом уже складывают числа... Пирожное, еще пирожное, чай, бокал вина – для красивой фотографии это необходимо – сейчас очень модно фотографировать все сквозь бокал красного вина... И чтобы было видно, что ты не дома сидишь на дырявом диване, и тем более не в общаге с большими тараканами по углам, которые норуют

залезть в твою чашку с кофе и хрустнуть на зубах в самых неподходящих момент, когда ты отпиваешь глоточек и мурлычешь в камеру: «Кофе... из Гватемалы... я была там летом... да...», а в хорошем ресторане. А потом тебе приносят счет. Я знаю девочек, которые тратят почти всю стипендию, чтобы сделать такой снимок и поставить в сеть. Зачем? Чтобы люди думали, что они богатые и успешные. И родители у них богатые и успешные. Успели прибежать туда, где весело и ярко, где на большой мировой рулетке вращаются деньги, много денег...

Мои тоже успешные, тоже успели на свет, только маршрут у них другой был, они бежали в свою сторону. Там тоже светло, но по другой причине – там светит мировой разум, который, возможно, и есть первопричина всех вещей. Так говорят мои родители, которые выбрали такой вот путь, не ведущий к раздаче больших денег. И я ими очень горжусь. Потому что мои родители – редкие люди, они живут наукой, у них есть настоящий смысл в жизни. Поэтому они всегда бодры, в хорошем настроении, здоровы и дружны.

Официант открыл фрамугу, оглядываясь на нас с отцом. Интересно, со стороны понятно, что мы – дочь и отец? Из окна сразу потянуло свежим воздухом, и мне стало чуть лучше. Тем более, что воздух в городе, где живет мой отец, хороший. Я прочитала об этом еще до поездки. Раньше был хуже, пока не закрылись четыре завода. Кто-то умудрился написать в сети, что – вот, какие прекрасные настали време-

на. Работы нет, но зато воздух чистый, ходи гуляй, дыши, смотри на реку, думай о вечности.

– Ну что? Мясо будешь? Здесь хорошо готовят. Салат? Десерт? Что хочешь? – Отец улыбался.

Я пожала плечами. Я бы хотела знать, чему он так рад. Видеть меня?

– Что я хочу... С вами поговорить.

– С тобой.

– Я постараюсь привыкнуть, но вы мне чужой. – Не знаю, зачем я это сказала, это вышло как-то само собой.

– Хорошо. То есть это плохо, но ладно.

Я смотрела на отца и понимала, что могу сейчас спросить его обо всем. И почему я не Сергеева, и почему он живет в Сибири, и почему его столько лет не было – я даже не знала о нем... Но отчего-то у меня язык не поворачивался. Вместо этого я спросила:

– Чем вы занимаетесь? Мои родители – ученые. А вы?

– А я... – Он хмыкнул. – А я тоже сначала был ученым, хотел быть, а потом понял... Ну, в общем, Машенька, я не ученый. Если коротко.

– А кто?

– То есть ты вот так – без подъездов, без подкатов... Вопрос ребром, да? – Он улыбнулся и стал очень симпатичным. Тем более, что его не портили усы. Мне тоже, как и маме, не нравятся мужчины с усами, особенно с пышными. А у него... усов не было. Вот почему еще он совсем не был по-

хож на того мужчину со старой фотографии.

– Ты ничего не знаешь обо мне?

– Нет.

– А почему так всё вышло, знаешь?

– Нет. Но хотела бы знать.

– Смело. Валюша всегда была очень смелой девушкой.

Выглядела-то как ангел... – Он быстро провел по коротким волосам, как будто сбрасывая что-то невидимое. – Не будем обсуждать твою маму, хорошо? Я мог бы воспользоваться тем, что ты ничего не знаешь, но я человек порядочный... – Он так это сказал, подчеркнул, как будто сейчас кто-то мог с ним поспорить. – Я тебе кратко скажу: просто я не подошел твоей маме. А Вадик подошел. И она...

У меня в телефоне появилось сообщение. Я открыла фотографию, которую мне только что прислали родители. Мама с папой сфотографировались за столом – я же так и думала, что они завтракают! – и была приписка: «Пора вставать! Мы тебя любим!» Они же не географы, они физики, они посчитали время в другую сторону, думали, что сейчас полседьмого утра. Я на самом деле просила их меня будить (тоже по глупости!), чтобы не проспять будильник – я могу выключить его и спать дальше, и чтобы у меня было больше времени на всё, но сейчас вообще-то уже половина первого... Я послала родителям сердечко и отложила телефон.

– Мальчик? – спросил отец, довольно нейтрально, но с интересом.

– И девочка, – кивнула я. – Валюша и Вадюша, мои родители.

Отец внимательно посмотрел на меня.

– Палец в рот не клади?

– Попробуйте.

– Похожа, да. На мою первую жену похожа, на Валю.

– Мне кажется, я на вас похожа, – сказал кто-то внутри меня, тот, кто любит высказываться некстати.

– Мне тоже так кажется, – улыбнулся он.

Улыбкой – вот чем мы похожи. Как же это странно... Как можно улыбаться так же, как человек, которого ты видишь второй раз в жизни? В первый я еще была в том возрасте, от которого у нас не остается воспоминаний – никто не помнит, как начал ходить, как спокойно проходил под столом и не мог сам залезть на стул, тем более не помнит, как его вынесли из роддома или как он увидел белый свет...

– А есть у тебя мальчик? Парень, молодой человек...

Я подумала секунду. Есть или нет?

– Выются вокруг двое. Но в том смысле, в котором вы говорите – нет.

– Ты знаешь мои смыслы?

Я промолчала. Не такой уж он и простой. Симпатичный, не отнимешь... Но разговор пока не получается.

Отец заказал обед себе и мне, я не стала отказываться от еды, но уточнила свой заказ. Выбрала еду, похожую на еду, а не на инсталляцию современного художника.

– Ты вегетарианка? – уточнил отец, когда мне принесли тарелку овощного супа.

– Нет.

– Привыкла экономить на еде?

Я пожала плечами.

– У нас дома нет культа еды. Мы все готовим, и мама, и я, и... – я чуть запнулась. Почему? Только что я спокойно произносила это слово. И всё же я договорила: – ... и папа. Но у нас принцип – поели и забыли. Родители живут в своем мире.

– А ты? В каком мире ты живешь?

– Вам на самом деле интересно?

– Конечно.

– А раньше почему не было интересно?

– Всегда было интересно.

– Почему вы тогда со мной не общались?

– Будешь называть меня на «ты», скажу.

Я заколебалась. Абсолютно чужой мне мужчина. Нет, конечно, это он. И зовут его Анатолий Сергеев, и мама сказала, что это он... И улыбка у него, как у меня – на щеках обозначаются две вмятные ямочки... Но странное чувство меня не покидало, а родственное – пока не возникало. Я ведь хотела знать – какой он. Зачем мне это было нужно, теперь никто не поймет. Вот он, сидит передо мной. Но только я не знаю, какой он. Человек и человек. Я же не вдумываюсь, какая мама. Мама и мама – самая лучшая, всё как положено. И Вадик –

самый лучший...

От своей собственной мысли я вздрогнула. Я никогда папу Вадиком не зову, потому что он – папа. Валюша и Вадюша – это звучит шутливо, даже снисходительно, а на самом деле – это объединение такое, биологически-интеллектуальное, и Вадик – мой папа, любимый, родной, хороший, он иногда раньше мамы понимает, что я заболела, он всегда выбирает мне именно те подарки, которые я ждала, останавливает маму, если она, не разобравшись, начинает меня ругать ни за что... Я взглянула на Сергеева. Может быть, уйти? Встать сейчас, оставить этот невкусный суп, похожий на слишком соленую оранжевую кашу, и перестать ломать комедию... Потому что всё это какая-то комедия. Всё это неправда. Я положила ложку.

– Что? – Сергеев сразу заметил, что я собираюсь встать, сам встал и взял меня за руку. – Подожди. Я так и думал, что это будет непросто. И я считаю, что Валя была права, что всё так решила. Но у нее было право, она мать, она тебя родила. Хотя это было неправильно.

– Что родила?

– Что решила за всех.

– А что было-то? – не выдержала я. Какая у них правда, о которой они мне сказать не могут?

Сергеев, не отпуская моей руки, усадил меня на диванчик, на котором сам сидел напротив меня, и попытался обнять.

– Нет, пожалуйста, я... – Я, понимая, что обижаю его, ото-

двинулась. – Я совсем не чувствую нашего родства. – Я увидела, как взглянул на нас все тот же официант. Думает, наверное, что взрослый дяденька привел девчонку...

– Ужасно. Я так и говорил Вале. Но она не хотела, чтобы у тебя в сознании было два отца. Вот – как она хотела, так и получилось. Меня в твоей жизни нет. Она говорила – это разорвет твое сознание. Хотя, что тут такого? Многие так живут.

– Многие живут плохо, Анатолий, – сказала я.

– Как ты меня называешь?! Нет уж, извини. Если отцом не можешь звать, не зови никак. Ладно, пойдем. Обед не заладился. Давай я тебе город покажу. Он мне не родной, но родным стал.

Я взглянула на Сергеева. Он так это сказал, как будто с особым смыслом. Просто вышло так, наверное.

– А родной какой?

– Я из Подмосковья. Когда с Валею расстались, я уехал подальше. Тут и вторую жену встретил, и жизнь совсем по-другому пошла. Я тоже МГУ окончил, на два курса старше их, – Вали и Якина. И работать начал в лаборатории. А когда уехал – где там было наукой заниматься? Я ткнулся туда, ткнулся сюда, институты как раз разваливались и закрывались, я в научный городок поехал, в Новосибирск, но там и денег не было вообще и по моей теме ничего не велось, предложили заниматься в чужом проекте, я не стал. Всё тогда так было... И я решил попробовать себя в другом. Знаешь, как

в сказке про мужика, который вел на рынок продавать корову, а вернулся домой с котом. Вот и я. Думал, уеду от всего, от того, что не получилось, спрячусь в науку, быстро смогу защититься, сделаю то, что собирался, докажу Вале, что я лучше Якина, у меня уж очень тема интересная была... А в результате совсем ушел из науки. Думал – на год-два, пока устроюсь. А всё так закрутилось, у меня стало получаться. Купил – продал, еще купил – еще продал, появились деньги... Кто-то хочет заработать и разоряется, а я хотел временно перебиться, метался, и у меня как-то пошло-поехало. И оказалось, что это совсем неплохо. А тут и вторая жена... Ну и... Всё думал – вот еще заработаю, чтобы жить где было, машину куплю, и всё. А понравилось как-то, наверное, я не такой одержимый ученый, как твои родители. Другой азарт, другие законы. Ты так слушаешь меня, что мне хочется всё рассказывать. Не помню уже, чтобы я так долго говорил, да еще и трезвый. Мы же не будем пить за встречу?

– Я не пью, – пожала я плечами. – И вам не советую.

Сергеев засмеялся.

– Взрослая дочь... Хорошо. Да, взрослая дочь, которую совсем не знаешь, но которая на тебя так похожа... Это, конечно, сильно меняет твою жизнь.

– А родители ваши живы? Мои бабушка с дедушкой?

Сергеев как-то повел плечами.

– Бабушка с дедушкой... – повторил он. – Валя отрезала тогда: «Не будет сложного мира и непонятных отношений!»

Поэтому не знаю, как тебе ответить. Тем более, что отца моего давно нет, а мама... – Сергеев потер висок. – В прошлом году ездил в Москву, не повидался, дернули меня... Да, мама в Подольске, перед фактом ее когда-то поставили... Она... – Он как-то запнулся, подбирая слова, – привыкла жить в своем мире.

– Значит, теоретически есть еще бабушка, – проговорила я, надеясь, что когда-нибудь мы еще поговорим об этом. Сейчас он явно не хотел продолжать и лишь развел руками.

Пока мы разговаривали, его телефон несколько раз вибрировал, он каждый раз взглядывал, кто звонит, но не отвечал.

– Мне на самом деле нужно идти, – сказала я. – У нас программа, скоро начинается конференция.

– Хорошо, – кивнул он. – Тогда до вечера. Я тебя отвезу и заберу, когда ты мне позвонишь. В университет ведь ехать? Там конференция?

– Вы знаете? – удивилась я.

– А то! – подмигнул мне мой отец.

Да, отец. Я же видела свое свидетельство о рождении, первый раз увидела в четырнадцать лет, когда пошла получать паспорт. Там было написано: мать – Тобольцева Валентина, русская, отец – Сергеев Анатолий, русский. И заполняя потом всякие анкеты, я уже сама писала в графе «отец» другого человека, не папу. Я пыталась спросить маму и папу, но они отшучивались и отмахивались: «Не обращай внимания!

Бюрократия!» Но это не бюрократия, а что-то совсем иное, чему я пока просто точного слова не знаю. И зачем так сделали родители, я тоже не понимаю. «Чтобы у меня не разорвалось сознание!» А теперь оно у меня не разрывается?

– А вы чувствуете, что я ваша дочь? – спросила я Сергеева, когда мы вышли на улицу.

И не надо было заседать в ресторане. На улице был такой чудесный день. На площади было очень красиво, реку не было видно, но она чувствовалась. Воздух в городе был гораздо лучше, чем в моем районе в Москве.

– Лучше бы мы с вами где-нибудь на реке посидели.

– Посидим, успеется. Ты хочешь увидеть реку?

– Я хочу подышать свежим воздухом.

– Подышим, но в другом месте. Ты же в Сибири, Маша.

Поездим, посмотрим красивые места.

– Я через два дня улетаю.

– Это мы еще посмотрим, – подмигнул Сергеев. – Садись.

Вот этот танк – мой.

Его машина на самом деле больше всего была похожа на огромный красивый танк, чистый, блестящий. Если бы танки бывали такого цвета – молочного шоколада. Понятно... Что-то становится понятно... И еще больше непонятно. Я взглянула на Сергеева.

– Вы разбогатели, да? А чем вы занимаетесь?

– Так я же говорю: продал одно, купил другое, так и по-неслось, – засмеялся он. – Ну да, наверное, это можно так

назвать. Разбогател, размордел, ты это имеешь в виду?

– Я только две ваши фотографии видела, – честно сказала я. – Я точно не знаю, какое раньше у вас было лицо. Мне кажется, вы были гораздо хуже и с усами.

Сергеев крикнул.

– Ясно. Валюша постаралась. Ладно. – Он снова быстро провел рукой по голове. – Да, Маша, я обеспеченный человек.

– Почему все-таки у меня мамина фамилия? – решила я вернуться к самому важному. Потому что пока я так ничего и не узнала.

– Валюша так решила, уже тогда сомневалась, когда тебе было две недели... Я в загсе, где мы тебя записывали, удивился, но ничего поделать не смог. Валюша четко сказала: «Тобольцева». – Он улыбнулся и провел по моему плечу. – Ты будешь садиться в машину? Пешком уже не успеешь. У тебя же в два конференция? Я всё узнал, не удивляйся. И даже знаю, в какой гостинице вас поселили. Садись. Я тебе всё расскажу. Надеюсь, Валя не будет против, раз уж она тебя сюда отпустила.

– Я сама поехала. Мне девятнадцать лет.

– Послезавтра будет двадцать, – кивнул Сергеев. – Я в курсе. Я каждый год выпиваю за твое здоровье.

– И никогда не поздравляете меня.

– Мы так договорились с Валец. Что я не лезу. Я уверен, что это было абсолютно неправильное решение, но не я ви-

новат, что так всё получилось. Лучше бы она тебе всё сама рассказала. Пристегнись. У вас есть машина? – без перехода спросил он. – Вы вообще как живете? Нормально? Ученые бедствуют же теперь. Родители продолжают заниматься наукой?

– Да, защищаются оба скоро. Докторские дописывают. Мы хорошо, нормально живем. И машина у нас есть.

Зря даже он такой вопрос задал, так снисходительно это произнес: «вообще как живете?»

Я, пожалуй, в такой машине еще никогда не ездила. Внутри салон был обит светло-кремовой кожей, все управление было компьютерное, на поворотах машина попискивала, словно что-то комментируя, и когда Сергеев парковался около университета, машина вдруг на самом деле заговорила, помогая ему правильно встать. В салоне машины пахло какой-то чужой жизнью, и мне эта жизнь активно не нравилась. Как не нравилось пока всё. Весь мой мир на глазах стал рушиться и разъезжаться по швам. И собрать воедино всё в цельную хорошую картинку у меня не получалось.

На конференции у меня было выступление. Я с трудом смогла сконцентрироваться и рассказать то, что я готовила заранее. План выступления у меня с собой был, в телефоне, отпечатывать свой небольшой доклад я не стала, потому что знала отлично, что говорить, писала курсовую на эту тему, но сейчас мысли путались, слова нормальные не подби-

рались, только к концу я как-то собралась, даже ответила на два вопроса, порадовалась, что кто-то меня слушал и задал вопросы.

Кащей подсел ко мне, согнав какую-то девушку, и сразу взял за руку.

– Где ты была? Что случилось? Ты из-за меня ушла?

Я покачала головой, хотела отнять руку, но он не отпустил. Я увидела перекошенное лицо Гены, он, оказывается, сидел поблизости. Пересел бы первым, может, Кащей так бы и не осмелел. А так всё, Геночка, кажется, ваш поезд ушел... Я не знаю, конечно, я до конца еще себя не поняла. Да и папе обещала не делать никаких резких движений в отношении «ухажеров». Тем более с Кашеем это очень опасно, я понимаю. Он в полушаге от меня не остановится, не случайно же он меня в одноместный номер поселил.

На мое счастье Кащея кто-то позвал, я видела, что ему машет полная девушка с красными волосами, с которой он сидел в электричке и которая потом помогала ему при расселении. Он вздохнул, крепко сжал мне руку и стал пробираться по ряду в ее сторону. Тут же написал Гена. «Почему он так себя ведет? Тебе это приятно?» То есть пока Кащей сидел рядом со мной, Гена молча бесился и пыхтел, а как только я осталась одна, он стал атаковать меня своими претензиями. Взял бы да сам сел рядом, место теперь свободное!

Я не стала отвечать и поддерживать такой разговор. На самом деле конференция была интересная, мне казалось, что

все, кто выступал, очень неформально относились к теме, все, как и я, болели за чистоту земли, воздуха и воды – не только в России, но и во всем мире.

Люди предлагали всякие фантастические решения – и научные, с применением высоких технологий, о которых можно лишь мечтать, они существуют в головах ученых или в виде теоретических разработок, и на самом деле сказочные – вроде создания молодежного правительства Земли, имея в виду, что именно нам останется планета с загрязненными реками и морями, с землей, в которую закапывают радиоактивные отходы и миллионы тонн мусора. И чем раньше мы начнем управлять этой планетой, тем лучше.

Почему бы не создать всемирное молодежное правительство – говорила юная китаянка, которой на вид можно было дать четырнадцать лет – худенькая, без тени краски, с крохотным ртом и выразительными глазами, с высоко зачесанными в хвост длинными волосами, одетая просто и по-детски – в голубых джинсах и белой футболке с большим розовым зайцем на груди. Больше всего она была похожа на ожившую куколку. И предположить, что эта куколка озабочена вопросами экологии и будущего нашей планеты было практически невозможно. Но она говорила очень уверенно, запоздало представилась, объяснив, что ей двадцать шесть лет, зовут ее Байхэ и она учит русский язык сама, потому что это «язык Рьва Торздога и Бужгина», что она из небольшого китайского города из Внутренней Монголии (особой ча-

сти Китая), в котором живет всего... пять миллионов человек. И пусть, продолжила девушка, путая «л» и «р», «б» и «п», неправильно ставя ударения, но очень взволнованно и искренне, пока у него не будет никакой официальной силы, армии и оружия. Зато у него будет самая главная сила – воля миллионов молодых людей. Главное, убедить эти миллионы, просветить их, увлечь на свою сторону. И поскольку это правительство будет не политическое, а экологическое, оно не вызовет протеста существующих властей. Мне показалось предложение наивным и сказочным, но доклад вызвал просто бурю восторга в зале.

На конференции было много иностранцев – несколько студентов из Европы, студенты из Индонезии, Индии и Ирана и, конечно, еще китайцы, кроме милой Байхэ, целая делегация, мне очень понравился их доклад, они делали его совместно. Вышли всемером и рассказывали, не ошибаясь, не путаясь, не смеясь, по-русски, с тем же очень характерным и забавным акцентом, но понятно и четко, о своей программе, которую они разработали в филиале МГУ, построенном в большом китайском городе Шэньчжэнь. Филиал абсолютно повторяет архитектуру нашего главного здания, где я учусь на семнадцатом этаже. И построили его китайцы без наших чертежей. Сфотографировали и повторили.

– Мартышки... – довольно громко сказала девушка рядом со мной.

И Гена тоже послал мне картинку обезьянки и подписал

ее: «Эволюция обогнула их».

Удивительная смесь чудовищной ксенофобии и безграмотности. Девушке я ничего не ответила, а Гене пришлось написать: «Почитай идеологов фашизма, тебе понравится, начни с Геббельса». Гена покраснел, стал крутиться, потом вскочил и все-таки перебрался ко мне. Я видела, что Кашей, который в этот момент напоказ флиртовал с какой-то девушкой, то и дело оборачиваясь на меня, недовольно вскинул брови и откинул назад волосы.

Редким мужчинам идут длинные волосы, но Кашею идут. В сочетании с его худобой, беспокойными движениями, мгновенно вспыхивающим неровным румянцем на обычно бледном лице, бескровных губах, которые он нервно кусает, они делают его похожим на поэта эпохи декаданса. Девушкам Кашей нравится. Мне тоже. Чем? В нем есть что-то мужское, несмотря на худобу и экзальтированность, в его сути, в том, что руководит его поступками и поведением. А в большинстве мальчиков, окружающих меня, нет. И в Гене нет. Как бы откровенно он ни пытался выразить свои чувства, особенно с помощью песенок на разных языках, которые он мне присылает, и картинок.

Жмурящиеся, фыркающие, злобные, скачущие от радости, царапающиеся от обиды, лающие от гнева, шипящие в бессильной попытке отстоять свое достоинство коты, щенки, лисята, медвежата – вот набор Гениных любимых картиночек, которыми он меня забрасывает с утра до вечера и кото-

рыми подменяет большинство слов. Слова у него получают-
ся гораздо хуже. Картиночки он умудряется посылать очень
точно к ситуации.

Вот сейчас он, сидя рядом со мной, показывал, подсовы-
вая мне прямо под нос, телефон, на котором розовый пу-
шистый кот сердился, поднимая дыбом шерстку. «Сэр кот
сердится» – была подписана картиночка на всякий случай,
для того, кто не сможет разобрать картинку, а буквы знает.
«Мальчик, который кажется себе похожим на розового сэра
кота – это поклонник, которого ты заслужила», – сказала я
сама себе.

– Ты мне мешаешь слушать! – Я отодвинула телефон, ко-
торым Гена пытался перекрыть мне обзор.

– Чё их слушать – китайцы...

– Ты дурак. За ними – будущее. Они дисциплинирован-
ные, их – полтора миллиарда, они способные, обучаемые,
терпеливые. У них древняя богатейшая культура.

– Ага, и они хотят нас завоевать.

– В том состоянии, в котором сейчас находится наша стра-
на и мужчины призывного возраста, это несложно. Да и за-
чем нам просторы, которые мы не используем? Даже зря Ер-
мак Тимофеевич в свое время так далеко дошел. Не было
бы столько земли, может, и проблем было бы меньше. Зачем
нам столько земли, если всё равно все в нескольких городах
живут? Москва, как черная дыра, засасывает всю Россию.

Гена вытаращил глаза.

– Ты хочешь сказать – ты за то, чтобы нас завоевали?

– Я тебе потом объясню, – стараясь сильно не раздражать-ся, ответила я. – Сейчас я слушаю доклад, это очень интересно. Обрати внимание – все, кроме тебя, заняты делом. Я на конференцию сюда приехала.

– А я думал, чтобы погулять со мной... – шлепая большими губами, сказал Гена.

Я даже не стала отвечать. Почему так? Почему у меня такие ограниченные поклонники? Зачем тогда они ехали сюда, если их ничего не интересует? Кашей, который поселил меня в одноместный номер и лезет с объятиями, и Гена, ведущий себя, как будто у него прогрессирующая деменция, слабоумие. Слабоумный поклонник ревнует тебя, как свою собственную собачку, которая вдруг побежала ластиться к чужим.

Я вызываю у мужчин такие низменные чувства? Почему? Я одеваюсь просто, почти не крашусь, не смеюсь над их скабрёзными анекдотами и матерными рифмами, вылетающими якобы случайно, особенно у Кашея... Гена учится, кстати, хорошо, три дня назад получил из рук ректора красный диплом, это не так сложно теперь, треть всех выпускников получает красные дипломы, преподаватели сами говорят, что это понятие обесценилось, но тем не менее – надо было продержаться без троек четыре года, связно отвечать на экзаменах, сдать госы на отлично... Дальше Гена будет поступать в магистратуру – и поступит, я уверена. А в

обычной жизни ведет себя просто как мои школьные ухаже-
ры Трясов и Панюсский, которые вместе увивались за мной,
с одинаковыми дебильными шуточками, совершенно не сму-
щаясь, что их двое.

Китайские студенты тем временем включили маленький
фильм, который они сделали к конференции. Они снимали
заводы, где выпускается пластмассовая продукция, показа-
ли карту Китая, карту Евразии и всего мира, обозначив все
точки производства. Показали миллионы тонн мусора – на
свалках, в водоемах, показали людей, весело открывающих
бутылки, коробочки, пакетики, бросающих их, не задумы-
ваясь, потом – больную Землю, несчастную, замотанную в
пластиковые пакеты, задыхающуюся, отравленную... Ребята
сделали очень хорошую анимацию. А потом прилетела фея,
похожая на одну из девочек из их группы – невысокого ро-
сточка, с густой челкой, невероятно милую, в больших неж-
но-фиолетовых очках, и стала лечить Землю – размотала па-
кеты, взмахнула рукой и – грязные реки стали чистыми, по-
том собрала маленькой ручкой все ярко-красные точки, ко-
торыми были обозначены заводы по производству пластика,
бросила их за спину, они вспыхнули яркими иероглифами в
черном небе. Кто-то в зале захлопал.

Гена, который тоже смотрел фильм, пробурчал:

– Закорючки свои переведите!

– Попробуй хотя бы один иероглиф выучить, Ген, – ска-
зала я.

– Зачем мне? Пусть они русский учат.

– Так они учат. Они и русский, и английский выучили.

Я решила не тратить время на Гену – это его любимый способ: задраться ко мне с какой-нибудь глупостью, отвлечь мое внимание, я начинаю спорить, что-то доказывать, а ему и хорошо. Он добился своего – я больше ни о чем не думаю, всё внимание – на него. Я увидела сообщение на экране телефона: «Ближе к концу напиши, я подъеду». Это Сергеев, он меня в контактах до сих пор был обозначен как «тот человек», как Вадик назвал его, так я и записала. Надо переименовать. А как? Просто и ясно – «отец». Какие тут могут быть сомнения?

– Это кто? – тут же вскинулся Гена. – Вольдемар? Что ему надо от тебя? Почему он стоял у твоих дверей?

Я засмеялась:

– А ты как это увидел?

– Я мимо шел.

– Он дверь охранял, чтобы ты не вошел. Всё, отстань.

Я написала Сергееву «Хорошо», подумав, что правда хорошо, что он подъедет. Мы ведь так толком ни о чем и не поговорили. Я как-то растерялась, он оказался совсем неожиданным для меня, да и он сам тоже, мне показалось, не знал, как и о чем говорить со мной. И был рад. Это не спутаешь, не сыграешь. А это самое главное – что ему так же нужно узнать меня, как и мне его.

После конференции ко мне подошли трое китайцев – две

девушки и парень – и стали задавать вопросы по моей теме. Мне показалось, что они хотят просто познакомиться. Говорили они не так хорошо, как во время своего доклада, но я понимала, что именно их интересует – где можно взять те цифры, которые были у меня в докладе, просили электронную ссылку. А мне-то хотелось поговорить о мировом правительстве, поэтому я кивнула им: «Пошли!» и быстро подошла к индийской делегации, состоящей всего из двух человек – парня и девушки, рядом с ними стояла Байхэ, которая это предлагала.

Китайцы, невозмутимо улыбаясь и кивая, пошли за мной. Они познакомились с Байхэ, которая приехала сюда самостоятельно, и перекинулись с ней парой слов. Я, слушая их разговор, подивилась, насколько китайский язык – другой. Можно сто раз читать про то, что в китайском устном языке главное – это тоны, без них самим носителям ничего непонятно. Но нужно один раз внимательно послушать китайскую речь, больше похожую на мелодекламацию, чтобы ощутить настоящую разницу языков.

Зря мне казалось, что конференция – дело бессмысленное и формальное. Если бы не *тот человек*, я бы, может, и не поехала сюда. Но, оказывается, когда ты встречаешь людей, которые плохо говорят на твоём языке или вообще не говорят – индусы не говорили, их переводили – но при этом думают совершенно так же, как ты, это необыкновенное ощущение. И пусть конкретно сегодня мы ничего не изменим. К

экологам обычно относятся как к немного неполноценным. Занимаются непонятно чем, пристают ко всем с какими-то скучными проблемами – мусор и мусорки, помойки, свалки, дым, грязь... Даже у меня на факультете есть люди, которые чуть не с брезгливостью отмахиваются, когда заходит разговор о проблемах экологии, к предмету относятся совершенно небрежно, полагая, что они занимаются наукой, а я – ерундой, «помоечной темой».

Индусы говорили по-английски, но с таким непонятным акцентом, что я сначала растерялась, но помогла Байхэ, которая начала переводить с индийского английского на китайский, для своих соотечественников, и еще на русский... Мы смеялись, к нам стали подходить другие ребята и тоже смеяться, просто потому что мимо пройти было невозможно.

Постепенно вокруг нас собралась большая группа людей, девушка-индианка забралась на стол и громко, отчетливо сказала что-то на хинди и сама перевела на английский: «Давайте продолжим!» При всей моей нелюбви к «ценностям» американской субкультуры, я понимаю, что проще всего общаться с миром на этом элементарном языке. Все согласилось, крикнув «Да!» на разных языках, причем так бурно, что к нам уже направились охранники. И мы решили продолжить наш разговор в парке, потому что в большую поточную аудиторию, где у нас только что проходила конференция, начали стягиваться абитуриенты на консультацию. Несколько человек задержались около нас, видя, как весело мы смеем-

ся. Возможно, так и должно образовываться мировое правительство – а не в бункерах, тайно от всего мира, и не в тот момент, когда на Земле произойдет катастрофа, и, кто выйдет вперед и скажет: «Я главный», тот главным и будет. Пока его не съедят те, кто будут сильнее или хитрее, чем он.

Мы пошли в парк, располагавшийся неподалеку. Я шла с некоторым сомнением, потому что хорошо знала наши законы – вряд ли кто-то разрешит нам такое несанкционированное мероприятие. Порядка пятидесяти молодых людей, разных национальностей, шумных, энергичных, собираются в одном месте, чего-то требуют... Пусть даже у нас требования очень хорошие и правильные. Еще мне мешала мысль о том, что где-то сейчас рядом меня ждет Сергеев. Что ему сказать?

Гены и Кашея почему-то не было видно. Кашей, скорее всего, собирал всю нашу делегацию – это у него получается лучше всего, он прирожденный администратор. Всё, что можно делать по формальному признаку, он делает хорошо, если, конечно, не хандрит. Тогда он вообще ничего не делает, и все дела сыпятся. Однажды я попробовала поговорить с ним насчет этого. Он лишь пожал плечами: «Так я же русский человек. Непредсказуемость и свободолюбие – мои главные качества». Странно, вот я тоже русский человек, но у меня совсем другие главные качества, либо я пока не умею их анализировать.

Сергеев, о котором я только что подумала, позвонил мне,

словно услышал мои мысли:

– Ты еще занята?

– Да, у нас продолжается конференция, но на улице.

– Звони, когда освободишься.

Удивительное чувство. Мне кажется, я так хорошо знаю его голос... Просто забыла его. И вспомнила.

Меня схватили сбоку, я обернулась, увидела страшно довольного Гену. Он включил музыку в телефоне и пытался на ходу впихнуть мне в ухо наушник, второй был у него.

– Ген, – я отвела его руку, – сейчас некстати.

– Да ты послушай, какая песня, слова послушай!

– Я другим занята!

– Не понимаю, – рассердился, мгновенно покраснев, Гена. – Неужели тебе это на самом деле интересно? Интересней, чем наши отношения?

Вот почему я такая? Я не могу сказать Гене, что у меня с ним нет никаких отношений. И продолжаю эту странную вялотекущую дружбу. Гена присылает мне песни – то в своем исполнении, то в чьем-то еще (певцов в мире много, найти в сети можно что угодно за пару секунд – старое, новое, на любом языке), или же картинки рисованных животных, выражающие его эмоции и чувства. Картинки, которые кто-то нарисовал, а Гена ими разговаривает.

Иногда меня просто переворачивает от затянувшегося детства некоторых моих однокурсников или Гены, который вот уже год постоянно присутствует в моей жизни, в основ-

ном виртуально, но очень настойчиво. Я понимаю теперь, что такое инфантилизм. Надеюсь, что я сама не такая. Ведь это, если серьезно, проблема. И у нас, и в других странах мира даже идут разговоры о том, чтобы изменить формальные границы взросления. Продлить возраст, когда родители должны помогать финансово, увеличить границу, когда можно официально заводить семью, начинать платить налоги и выбирать президента. При этом никто не говорит, что нельзя заводить себе любовника с двенадцати лет. То есть живи в открытую с парнем, а родители будут обязаны тебя кормить до двадцати трех лет, до двадцати семи, до тридцати пяти... Тебя и его... Мне кажется, Гене бы такое подошло. Мне – нет.

Хотя Гена никогда энергично не намекал на интимные отношения. Иногда он пытался фотографироваться со мной, сильно приваливаясь ко мне боком, и пару раз как будто случайно задевал меня рукой и руку не убирал. Это было бы трогательно, если бы Гена мне так же нравился, как и я ему.

Познакомились мы с ним случайно, в прошлом году, на концерте, где Гена пел сольно, а я – в академическом хоре. На хор я ходила ровно год и перестала, потому что хор занимал слишком много времени, часто ездил на гастроли и репетировал иногда до ночи, даже в сессию, если предстояло ответственное выступление. Мне тогда понравилась Генина песня и сам Гена, голос показался резковатым, но Гена смотрелся хорошо – высокий, стройный, романтический, много во-

лос такого необычного цвета – медного, глаза небольшие, но яркие... И при этом веснушки по всему лицу.

За кулисами он всё посматривал на меня, потом, после концерта, подошел и спросил:

– Тебе понравилось, как я пою?

– Да, – искренне ответила я.

– Спасибо!.. – воскликнул он так, как будто я сказала: «Ты лучший певец Москвы и Московской области». – Я видел, как ты смотришь на меня из кулис.

Так мы и познакомились. Не знаю, как бы всё сложилось, если бы мне Гена нравился всё сильнее и сильнее. Но я рассмотрела его вблизи, мне уже не казалось, что он похож на моего любимого актера Киану Ривза, как издали. У Гены оказалась слишком большая челюсть (в этом моя мама права), которой он время от времени двигает. Я однажды спросила – не болят ли у него зубы, зачем он постоянно двигает челюстью. Гена ответил, что он делает упражнение для связок, несколько раз в день, от этого они продолжают расти, ведь Гена, как и все мальчики, будет расти до двадцати пяти лет. И если сознательно развивать какой-то орган, он будет крепнуть и расти. Вот Гена развивает связки, потому что собирается петь, хоть он и не стал поступать в консерваторию или в академию Гнесиных. Может быть его просто туда не приняли, потому что слух у него неидеальный, а тембр не самый красивый, но об этом история и сам Гена умалчивают.

Полгода мы переписывались в ВКонтакте, наша перепис-

ка часто сводилась к тому, что Гена посылал мне свою фотографию или песню, в своем или в чьем-то еще исполнении, и очень обижался, если я тут же не слушала ее и не отвечала ему восторженными сердечками.

Иногда я радуюсь, что есть смайлики и другие значки для выражения чувств и мыслей – можно ничего не говорить. Символ – вещь примитивная и в то же время объемная. Для глупого человека он означает одно, для умного – другое. По-сылая значок, мы даже не представляем, что именно другой человек может увидеть в нем. Некоторые тщательно шифруют в значках свои послания, набирая по двенадцать-пятнадцать значков подряд, а эти послания никто и не собирается расшифровывать, сколько раз я такое видела. Наверное, так когда-то и рождались иероглифы, в давно забытом прошлом... Были ли когда-то значки для выражения слов лично у моих предков? Мы точно не знаем этого. Я думаю, что были, именно поэтому мы сейчас с такой охотой возвращаемся к ним от слов.

Генины песни никак расшифровывать не нужно. Они понятны. Любовь, о любви, для любви, без любви... Только я не могу ответить ему тем же. Иногда я думаю – вот зачем я его обманываю? Ведь обманываю же? Он живет в каком-то другом мире, где я его люблю, но просто никак не решусь прийти к нему на настоящее свидание, а не на такое, какие у нас с ним были, когда мы четыре часа куда-то целеустремленно шли, спустившись на набережную на Воробьевых го-

рах, и через четыре часа оказывались на другом конце центра Москвы.

Настоящее свидание для Гены, я почти уверена – это не то, что для Кашея. Вряд ли Гена без моей активной инициативы решился бы (в трезвом состоянии, по крайней мере) на близость. Гена – человек абсолютно положительный, даже не хвастается, в отличие от некоторых других мальчиков, несовершенными подвигами, выпитыми (в мечтах) литрами спиртного, потерей разума.

Два месяца назад, перед майскими, он вдруг написал мне: «Смотаемся на праздники в Питер?» Я в ответ послала удивленного щенка, рассерженного бычка, зеленого человечка, которому очень плохо, и хохочущего до слез кота («Что?! Ты вообще, что ли? Ты меня за кого считаешь? Что ты себе вообразил?!»). Гена тут же завилял хвостом, объяснил, что он не это имел в виду, просто хотел посмотреть Исаакиевский, и Гороховую улицу, и Фонтанку – вместе со мной...

Сейчас Гена упорно шел рядом, мешая мне говорить с девушками в длинных платьях, я была почти уверена, что это тоже индианки, хотя нам кто-то сказал, что из Индии приехало всего два человека. Но в их лицах было что-то особое, то, что отличает индийцев – какой-то особый ген. Они разные, у них по-прежнему некоторые люди сохраняют свою кастовую принадлежность, не разрешают детям жениться и выходить замуж за человека другой касты, есть индийцы белые, есть с оливковой кожей, есть совсем смуглые, но что-то такое осо-

бенное есть в разрезе глаз, какое-то родство, воспоминание о древней высокоразвитой цивилизации – не такой, как у нас, другой, которая погибла почти полностью в страшной войне, о которой остались документальные свидетельства – но почему-то официальная наука не хочет это признавать. Или так скажем – признает, но клочками.

Дети не проходят в школе (я, по крайней мере, не проходила) – вот, была такая цивилизация – от нее остались оплавленные камни, которые могут плавиться только при температуре четыре тысячи градусов, и описания того, как у людей вылезали ногти, выпадали волосы, как все живое погибло, когда что-то взорвалось, какое-то «оружие богов», которым одни «боги», «хорошие», пытались побороть других, «злых» и «коварных»... И дети растут, становятся менеджерами, банкирами, учителями, и не знают, что однажды уже человечество подходило к такому же краю, как сегодня подошли мы, и не смогло остановиться.

Именно об этом мы говорили по-английски с девушками, которые оказались из Индонезии, когда шли к парку. А Гена вышагивал рядом, ухмылялся, пытался вставлять свои реплики – он английский знает довольно неплохо – и время от времени опять лез ко мне с наушниками, чтобы я шла с ним, связанная этими его дурацкими наушниками, и слушала песню на английском языке.

Гена, например, может легко общаться, одновременно слушая в одном наушнике музыку. Я миллионы раз говори-

ла Гене, что не люблю существовать под музыкальный фон, который у меня в ушах, и что я не люблю песни на английском языке, и тому несколько причин. Я люблю песни на родном языке, это раз, когда понятны все без исключения слова. Два – я принципиально не хочу слушать песни на том языке, на котором разрабатываются планы захвата, уничтожения моей страны, раздела ее на колонии, планы сокращения численности Земли до пятисот миллионов человек, планы третьей и, возможно, последней мировой войны. Кто не знает таких планов – пусть учит английский и читает по-английски. Эта информация не засекречена, она свободна и – что самое удивительное! – мало кого интересует даже в нашей стране. Собака лает, а караван идет вперед, как говорила моя бабушка. Только верблюдов в этом караване становится всё меньше и меньше...

А еще одна причина – я не так хорошо пою, как Гена, но, наверное, гораздо лучше его слышу. Я сольно никогда не пела и не буду. Но я всё *слышу*. Слышу все ноты – правильно, неправильно спетые. Не просто слышу, а как будто вижу их. Когда нота не дотянута, когда взята рядом, когда она кривая, неровная, некрасивая. И уж тем более, когда она – совсем не та, фальшивая. А во многих американских песнях, которыми наполнен сейчас наш виртуальный мир, в котором я живу так же, как Гена, мелодия такая необязательная, так много опеваний, топтання вокруг нот, что ты никогда не скажешь – а что надо-то было спеть? Как правильно? Мелодии толком

нет, куплеты поются по-разному, поэтому как споешь, так и правильно. И это мучительно, если ты слышишь и видишь весь этот хаос.

Иногда я думаю – сложилась бы жизнь по-другому, я бы, наверное, пошла бы поступать не в МГУ, а в консерваторию, на дирижера. Может быть, еще не поздно? Как только вместить в одну жизнь и музыку, и экологию, и любовь, такую непонятную... С Геной – не любовь, хотя он не пьет, не курит, за другими девочками не бегает, даже не говорит на матери, что большая редкость среди наших студентов. Вообще умеет складно разговаривать. Чисто одевается. Сносно поет. И любит меня. Ну и что? Этого не хватает для настоящей любви.

А Кашей? Вольдемар Лубошкин... Если бы я влюбилась в Вольдемара по-настоящему, я бы называла его Кашеем? А, может, именно поэтому и называю, что в какой-то момент испугалась – вот оно, долгожданное... Но Кашей такой опасный, такой непонятный, такой сложный, непредсказуемый... Гене я верю – ему трудно не поверить, он весь на виду, со всеми своими глупостями и решительными попытками идти на таран и столь же решительными и окончательными «последними словами». А Кашею – нет.

Я увидела, как Кашей, догнавший нашу толпу, разговаривает с девушками в больших платках, спускающихся на грудь и на спину, наверное, из Ирана, и все поглядывает на меня. И от этих взглядов настроение мое резко стало лучше. Было

просто хорошее, а стало отличное. Почему?

Наша огромная толпа, к которой по дороге присоединялись еще какие-то люди, наконец докатилась до парка. Мне показалось, что иностранцев больше, но и наших тоже хватало. Кто-то пустил дымовую ракету, не знаю, откуда она взялась. Всё та же девушка-индианка, которая предложила продолжить импровизированный митинг, вышла в центр толпы, залезла на скамейку и стала говорить. Я отпихнула Гену с его наушниками и стала пролезать ближе к центру, потому что сзади смеялись и было плохо слышно.

Индианка заговорила о том, что волновало, как я понимаю всех, кто пришел сюда сознательно. Часть молодежи присоединилась по пути, и это, как вскоре оказалось, было нашей ошибкой. Лучше бы мы остались в университете, попросили бы себе какую-нибудь большую аудиторию или хотя бы разрешения побыть во дворе, на спортивной площадке.

Девушка говорила по-английски, я понимала достаточно хорошо, привыкла очень быстро к ее особому выговору, (в любом случае иностранцев понимать проще, чем американцев или британцев), кто-то взялся переводить, это немного мешало.

– Давай поговорим о главном. Наша подруга из Китая это предложила, и мне очень понравилось ее предложение. Мы хотим организовать правительство из молодых людей, которые стали бы заниматься будущим нашей планеты, – говорила девушка и ждала, пока ее переведут.

– Давай без перевода! Всё понятно! – крикнул кто-то на довольно сносном и понятном английском. – А ты будешь главной, что ли? Кто будет главным?

– Какая разница, кто будет главным, ведь дело в другом, в нашей коллективной ответственности за будущее Земли, в нашем коллективном разуме... – начала спокойно отвечать ему индианка.

– Хрень! – ответил по-русски ей тот же парень или другой (я не успела понять) и стал выдвигаться вперед. – Это всё хрень! Понаехали с черными мордами! Что, хотите уже всей Землей управлять? Не хватало, чтобы нами управляли бабы и еще черные!..

Переводчица растерянно стала переводить, индианка кивала, внимательно слушая. Наверное, переводчица выбирала слишком далекие от оригинала слова.

Кто-то, видимо, не дослышав, стал хохотать, хохот быстро подхватили многие, особенно те, кто просто так присоединился, видя, что большая группа веселых молодых людей куда-то направляется. Я не могу поверить, что так дико хохотали те люди, которые только что говорили в зале о гибели лесов, животных, о загрязнении рек, морей и океанов, о том, что у нас в нашей стране вымирают деревни и сокращаются города, о том, что мегаполисы, как черные дыры, засасывают людей, а люди продолжают и продолжают ехать туда, бросая свою родную землю – свою малую родину, ехать в никуда, ехать за миражами – у некоторых эти миражи превращаются

в реальность, у большинства так миражами и остаются, но почти никто из черной дыры не возвращается, она аннигилирует всех. Я надеюсь, что это были какие-то другие люди.

А парень всё орал и орал.

Индианка, которой добровольная переводчица не стала переводить последние слова возбужденного и недоброго парня, переспросила его по-английски:

– What did you say?¹

– Чё хочет эта мразь? Приехала к нам, говори по-нашему! Пошла вон отсюда! Будут они рассказывать, как нам жить! Сами знаем! Очистить надо страну от мрази! Хозяин нужен, крепкая рука! Россия для русских, а не для мрази! – Парень начал говорить уже всё подряд, заменяя каждое второе слово матом, но было ясно, что он не просто хулиган и хочет вовсе не нахамить для собственного удовольствия и веселья своих дружков. Я уже увидела их в толпе. Это, наверное, были местные национал-шовинисты. Каким-то образом они затесались к нам на конференцию или случайно подошли уже здесь в парке, может быть, это их место...

Думать и размышлять было уже некогда. Гена, застывший в ужасе рядом со мной, стал тянуть меня за пояс джинсов – взял за шлёвку и тянул, пока не оторвал.

– Ты что?.. – обернулась я на него.

– Пошли быстрее отсюда! Видишь, что начинается!

На самом деле друзья этого парня стали тоже орать, скан-

---

¹ Что ты сказал? (англ.)

дировать два совершенно непонятных лозунга, один я разобрала наполовину: «Россия для русских, Россия для ...!» Для кого еще должна быть Россия, я никак не могла понять. Они орали вразнобой, но очень агрессивно. Второй лозунг я вообще никак не могла понять. Мне казалось, или они кричали его по-немецки? Я немецкого не знаю. А тут еще Гена, который испугался и за себя, и, конечно, за меня. Один уходить он не хотел, хотя я ему уже несколько раз четко сказала: «Иди, Гена, иди!» Я зря даже один раз добавила: «Если боишься!..»

Мой друг Гена почти уже собрался уходить, крепко держа меня за сумку, но, услышав мое «боишься», остался. И стал охранять меня, очень бледный, растерянный, на его огромном подбородке выступили мелкие капельки пота. Если бы не вся ситуация, это было бы смешно, но мне было не до смеха.

Сбоку началась драка – я видела, что несколько местных парней начали задирать к нашим, те в ответ стали отбиваться. Я не понимала, что мне делать, где хотя бы Кашей – ведь он руководит нашей делегацией, и когда мы шли сюда, я его видела... не мог же он убежать... Нет, вот он! Я увидела тоже совершенно опрокинутое лицо Кашея, который, оказывается, стоял близко к сцене, его закрывали два огромных парня, которые пробрались к сцене вместе с их заводилой. Лидер он или нет, неизвестно, но заводила – точно.

Кашей что-то пытался говорить, но его не было слышно

в шуме гудящей толпы. Народ начал расходиться – никто не хотел драться. Зачем, с чего? Шли сюда с мирными, гуманными целями... Я видела, как Кашей стал кому-то звонить, как он махал рукой, оглядывался, видимо, объясняя, где мы.

Я не поняла, что произошло буквально через несколько мгновений. Приехали машины, два или три грузовика – военные и полицейские и несколько легковых, из них выскочили люди в форме, кто-то стал кричать в рупор, чтобы мы расходились. Из грузовиков вышли то ли солдаты, то ли курсанты, но поначалу они просто стояли в стороне.

Началась давка, драка стала передвигаться ближе к нам, я почувствовала сильный удар и одновременно воду, которая растеклась по всему телу. Холодная, ледяная вода. Уши... Я машинально закрыла ухо, в которое попала вода. У меня как-то потемнело в глазах, я уже ничего не понимала. Гена, который так и держал меня за сумку, почему-то оказался на земле, я стала его поднимать, меня тоже толкнули, и я упала. Чья-то огромная нога наступила мне на руку, у плеча, очень больно, мне показалось – что-то хрустнуло и разорвалось в плече.

Росгвардия, подъехавшая в автобусе вслед за полицией, стала поливать нас из брандспойтов. Это я поняла, когда с трудом поднялась и оглянулась. Люди бежали прочь, кто-то ползком, на четвереньках. Одна девушка, истошно крича, пыталась бить росгвардейца по щиту, двое других подхватили ее и потащили прочь.

Гена всё лежал на земле рядом со мной, он укрылся так, как нас когда-то учили в школе, а теперь его, возможно, учат на «военке» — лечь лицом вниз, закрыть голову обеими руками и максимально вжаться в землю. Я стучала Гене по спине, кричала — но он никак не реагировал, только еще крепче сжимал руки. Вода снова сшибла меня с ног.

Дальше всё происходило стремительно. Чьи-то сильные руки подняли меня с земли, поволокли. Я видела, как волокут и других студентов. Кто-то отбивался, кто-то кричал, кто-то сдался сразу. Мне показалось, я видела, как уводят Байхэ, а она растерянно оглядывается. Ее большая розовая сумка осталась лежать на земле совсем недалеко от меня. Я попробовала дернуться за сумкой, получила тычок под ребра и больше сопротивляться не стала. У меня не было ни сил, ни смелости драться с двумя мужчинами в темной военной форме в касках. Всё было как во сне, в дурном, из которого нельзя вырваться и который не кончается.

Немного пришла в себя я уже в отделении полиции, куда нас очень быстро привезли в трех белых закрытых грузовиках, наверное, оно было где-то рядом. Чего так испугались власти? Организованной студенческой силы? Так не было у нас никакой силы. Сила — у них, причем быстро реагирующая. У нас же было только наивное легкомыслие и чужая провокация. Если бы мы были организованы, то как-то разобрались бы с этими ребятами, которые стали пускать шашки и задирать к иностранцам. Но объяснить это стражам по-

рядка было невозможно (порядок, судя по всему, охраняется у нас лучше, чем делается все остальное).

В камере, куда поместили меня, не было Гены, зато оказались почти все иностранцы. Индианки в оранжевом и желтом сари, несколько китайцев, один с сильно разбитым лицом, перепуганная Байхэ, у которой была разорвана на плече ее футболка с зайчиком. Она очень переживала о своей сумке, в которой остался паспорт и телефон, я как могла успокоила ее, что наверняка кто-то подобрал сумку, хотя сама не очень в это верила. Больше всех возмущался и кричал швейцарец, я подошла к нему и, аккуратно положив ему руку на плечо, стала говорить по-английски. Он сначала отвечал по-немецки, злился, крутил головой, скидывал мою руку, но я продолжала говорить, потому что видела, что китайцы, поначалу притихшие, теперь стали волноваться и тоже пытались что-то кричать.

Я понимала, если мы будем продолжать так себя вести – некоторые из нас, – то ничем хорошим это не закончится. Международным скандалом, но это потом. А сначала никто разбираться не будет – китаец ты или швейцарец – вломят им и заодно остальным. Я, например, совершенно не готова была ни к тычкам, ни к брандспойтам, ни к мату, которым нас поливали и там, и здесь. За что? За провокаторов, которым вообще непонятно, что надо было? Чем мы могли им помешать? Я постаралась начать общий разговор на тему того, кто были эти местные, какие силы представляли, зачем

пошли за нами – случайно или нет. Кто-то вступил со мной в разговор, швейцарец, нехотя, но отошел от решетки, через которую он пытался установить контакт с полицейскими, наивный европеец!

– Не переживайте, – говорила я по-английски, радуясь, что у меня хватает запаса слов, и я умею их связывать в понятные людям предложения. – Всех иностранцев быстро выпустят и еще извинятся перед вами. Наших – не знаю.

– Нам надо очень спокойно быть! – поддержала меня по-русски Байхэ, поправляя растрепанные волосы. – Не волнуйтесь!

Очень скоро к нам подошел полицейский и позвал... меня. Я думала, что со мной хотят поговорить как с самой разумной – такой я себя ощущала в тот момент, потому что мне удалось несколько успокоить моих товарищей. В углу нашей камеры, кстати, лежали две местные проститутки, пьяные, плохо соображающие, но крайне заинтересовавшиеся иностранцами. Одна из них всё лезла к швейцарцу, довольно заурядному на вид, но, думаю, хорошему и умному парню. Человек летел в Москву, а из Москвы – сюда, за тридевять земель, в Сибирь, чтобы поговорить о том, как нам всем вместе спасти планету – от мусора и от неразумных людей, которые живут одним днем.

Вторая на карачках подползла поближе и стала задирать-ся к китайцу, невысокому, ладненькому, и он вместе с тремя девушками из их делегации смотрели на нее, как на гово-

рящее животное, и смеялись. Байхэ разводила руками, смущенно улыбаясь, и было неясно, стыдно ей или тоже смешно и от этого стыдно. Понятно, что проститутки в Китае тоже хватает, в императорском Китае проституция была официальной частью социальной жизни, но иностранцы ведь всегда кажутся смешнее, чем свои, даже маргинальные личности.

Профессор экономической географии, который рассказывал нам об особенностях национальных экономик и социальных структур, связанных и с историей, и со своеобразием местности, говорил, что мы не должны забывать при общении с китайцами, что мы для них прежде всего... варвары. А потом уже симпатичные собеседники, милые девушки, умные парни и так далее. Если он и преувеличивал, суть от этого не меняется. Ведь мы тоже с трудом преодолеваем барьер «они» – «мы». На Запад смотрим снизу вверх, на Восток – свысока. Даже проститутки в камере провинциальной полиции.

Из камеры меня все провожали, поднимали кулаки, говорили вслед: «Держись». А полицейский вывел меня из коридора, протянул мне мою сумку, мокрую, грязную, с оборванным ремешком (как мне удалось ее схватить с земли в последнюю минуту?), отдельно – телефон с треснувшим стеклом и грязный паспорт – на первой странице четко отпечаталась чья-то нога.

– Всё ваше? – небрежно, но не хамски спросил полицейский.

– Да, – удивилась я.

Как оперативно... Как они нашли в куче вещей именно мою сумку? Пересматривали документы? И оставили отметку в паспорте «Сидела в кутузке вместе с другими бузотерами», наступив рифлёной подошвой ботинка. Я углядела среди груды курток, кепок, платков и сумок розовую сумку Байхэ и очень обрадовалась не меньше, чем своей сумке.

– Маша...

Я обернулась. В дверях стоял отец, то есть Сергеев. В полицейском отделении он выглядел как-то по-другому. Я не успела понять, что изменилось. Но несколько часов назад в ресторане это был приятный, уверенный в себе человек и... всё. А сейчас передо мной стоял жесткий, властный хозяин. И капитан, совершенно неискренне улыбаясь, сказал ему:

– Извините, Анатолий Сергеевич, зря она полезла...

– Всё уже! – отмахнулся отец и обнял меня за плечо, как раз за то, которое болело. Я поморщилась и отодвинула его руку.

– Что?

– Больно.

Он прищурился и посмотрел на капитана. Тот развел руками:

– Мы их не трогали, сами драку затеяли. Арабы эти всё. Китайцы. Косоглазые! Что им у нас здесь надо?

– Слушай... – Отец выразительно коснулся виска. – Лучше сейчас всех скопом выпустить, как будто ничего не было.

И извиниться за ошибку.

– Я-то что? – вздохнул капитан. – Не было такого приказа.

– А кто вообще приказал всех забрать?

Тот пожал плечами, показал глазами вверх. Где, интересно, верх у этого капитана? Две копейки получает, столько грязи и ужаса видит, столько лжи и несправедливости, каждый день...

Машина отца стояла прямо во дворе отделения, то есть его пустили сюда. Он ее помыл за то время, пока у нас была конференция и последующие неприятности, и она сверкала сейчас нежно-шоколадными боками и огромной тяжеловатой мордой. Изящный танк, похожий на самого хозяина, на моего, биологического, отца. Да, так будет правильно.

– Ты имеешь отношение к полиции? – спросила я.

– Косвенное, – усмехнулся отец. – Только в том смысле, что без полиции иногда никак. Приходится иметь к ней какое-то отношение.

– Ясно.

– Не думаю, что тебе что-то ясно.

– Почему? – нахмурилась я.

– Не так выглядишь. Рука болит?

– Не сильно.

– Хорошо, садись в машину, разберемся.

– А остальные?

– Их скоро выпустят.

– Я не могу так уйти. – Я остановилась около машины.

– Не глупи.

– Я не могу уехать, – повторила я. – У меня там друзья. Я не знаю, как с ними поступят.

– Давай так. – Отец мягко, но твердо взял меня под руку, ту, которая не болела. – С ними поступят очень хорошо. А ты сейчас не будешь осложнять ситуацию. Видишь вон там люди? Это телевидение, они снимают нас из машины. Намечается приличный скандал. А он никому не нужен.

– Ты работаешь в администрации города? – спросила я.

– Я просто работаю в этом городе, Машенька. И живу здесь, – улыбнулся отец. – Всех выпустят, по одному, не переживай. Перед кем надо, извинятся. Вон, смотри, еще двух девушек выпустили.

Я увидела, как на самом деле из отделения вышли обе индианки, с ними тот же капитан, он что-то говорил, широко разводя руками. В гости приглашал, может быть... «Приезжайте, гости дорогие, всегда вам рады...»

Отец увидел мои сомнения.

– Ну, хорошо. Не надо бузить сейчас, так яснее? Еще вон выходят. Сначала иностранцев выпустят. То есть, дочка... – Отец замолчал на секунду. – Слушай, как приятно, черт побери, это произносить... Садись, пожалуйста. Я понимаю, что мое слово пока для тебя ничего не значит, но я даю слово, что их выпустят. Подожди... – Он набрал номер и показал мне экран телефона. Написано было «Олег», а ниже – три большие буквы «МЭР». – Олежа, озвучь для дитя, оно

не хочет уходить из кутузки... Нет, мы во дворе. Озвучь, что остальных... гм... — он глянул на меня, — участников локального конфликта тоже выпустят.

— Выпустят, — сказал Олежа по громкой связи очень недовольно, но твердо.

— Сегодня?

— Да сейчас их выпрут оттуда!

Олежа не рассчитывал, что его слышно на всю округу, или ему было всё равно. Мэр добавил несколько крепких словечек, и я поняла, что он крайне сожалеет, что разрешил проведение конференции в университете, также сожалеет, что на свете есть китайцы и индийцы, и они решили приехать сюда и всё ему испортить. Про местных заводил, из-за которых всё, собственно, и произошло, он даже не заикнулся.

— Я должна дождаться своих, — сказала я, на всякий случай отходя подальше от машины.

Я видела, что отцу не очень нравится, что я спорю, но он тона не поменял, говорил со мной дружелюбно и тепло.

— Давай так. Пока суть да дело, выпьем где-нибудь кофе, ты умоешься и, если хочешь, вернемся сюда или я отвезу тебя в гостиницу. Или давай сразу к врачу.

— Нет, пройдет. Не так сильно уже болит.

— Тогда выпьем кофейку.

Я, поколебавшись, кивнула. Я видела, как из отделения вышли еще несколько ребят, Гены среди них не было.

В небольшом кафе на набережной мы с Сергеевым были одни. Я умылась, на секунду с сомнением посмотрев самой себе в глаза в зеркале. Я правильно всё делаю? Не знаю. Ничего вообще не знаю. Наверное, правильно.

Мы сели за единственный столик на улице.

– Вот, как ты хотела – и реку видно. Ты романтична?

– Скорее, нет.

Отец внимательно смотрел на меня, отпивая кофе. Я взяла себе облепиховый чай и сейчас с некоторым сомнением смотрела на мутно-желтую жидкость, довольно приторно пахнущую.

– Пей! Что? Невкусно? Возьми что-то другое. – Отец слегка поднял руку, не оборачиваясь, и около нашего стола тут же появилась официантка, как по волшебству. – Обычный чай заварите. Маша, – он положил руку мне на ладонь, – я был неправ все эти годы, что послушался Валю. Я думал – она мать, она имеет право, моя мама тоже так всегда говорила – твоя бабушка, которую ты не успела даже узнать, видела только в бессознательном возрасте. Не помнишь ведь бабушку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.